

II.

И Л У К И.

ВОЛОГДА.

(Изъ дорожныхъ записокъ).

Вологда очень древній городъ. Первое историческое извѣстіе о немъ относится къ 1147 году. Въ этомъ году пришелъ сюда отъ святыхъ горъ Кіевскихъ преподобный Герасимъ: онъ нашелъ на берегу рѣки Вологды селеніе довольно большое и, какъ видно, богатое—съ торговой площадью, пріобрѣлъ себѣ участокъ земли, поставилъ церковь во имя святаго Троицы и устроилъ монастырь. Во второй половинѣ XIV столѣтія, когда пришелъ сюда преподобный Димитрій, городъ находился уже въ цвѣтущемъ состояніи и былъ украшенъ многими храмами *). Съ того времени,

*) См. статью «Прилуцкій Монастырь» въ X кн. Лучей 1859 г.

какъ Димитрій основалъ монастырь Прилуцкій и когда вообще въ предѣлахъ Вологодскихъ основалось много подвижниковъ, Вологда обратила на себя особенное вниманіе православнаго Русскаго народа и Русскихъ царей. Притомъ Вологда находится на пути въ знаменитый монастырь преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго, куда совершали путешествіе многіе князья и цари: они обыкновенно останавливались въ Вологдѣ и свое присутствіе ознаменовывали какими-нибудь милостями городу. Въ этомъ отношеніи особенно памятенъ для Вологды царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Во время своего бурнаго царствованія не однажды ходилъ онъ на богомолье къ чудотворцу Кириллу, монастырь котораго былъ однимъ изъ его любимѣйшихъ монастырей, — и каждый разъ жилъ въ Вологдѣ по нѣсколькимъ днямъ, а иногда и недѣль. Онъ украсилъ городъ нѣсколькими церквами, построилъ величественный соборъ и городъ (кремль) съ высокими стѣнами. Такимъ образомъ усердіемъ жителей и щедротами Русскихъ князей и царей городъ распространился и украсился множествомъ храмовъ, которые составляютъ и доселѣ лучшее украшеніе Вологды.

Въ старину-же Вологда, по своему положенію въ сѣверныхъ предѣлахъ Россіи, получила значеніе ссыльнаго города. Князь Шемяка сослалъ сюда несчастнаго великаго князя Московскаго Василія Темнаго, назначивъ ему Вологду въ удѣль. Здѣсь Іоаннъ III содержалъ въ заключеніи племянниковъ своихъ, дѣтей князя Углицкаго *).

*) Смори ту-же статью.

ствіи времени въ Вологдѣ жило не мало именитыхъ узниковъ. Такое значеніе Вологда удерживаетъ отчасти и донынѣ.

Этотъ древній городъ расположенъ по обоимъ берегамъ довольно широкой рѣки Вологды. Главная и обширнѣйшая половина города находится на правомъ берегу, болѣе возвышенномъ, нежели лѣвый. Городъ и распространялся внизъ по теченію рѣки, такъ что и теперь, слѣдуя берегомъ по теченію Вологды, можно, такъ сказать, прослѣдить постепенное его распространеніе. Я такъ именно и сдѣлалъ, желая ближе познакомиться съ городомъ и его историческими памятниками.

Самую древнюю часть города составляетъ крайній конецъ его съ сѣверной стороны, ближайшій къ Прилуцкому монастырю. Здѣсь, недалеко отъ берега рѣки Вологды, находится маленькая каменная церковь, во имя святыя Троицы, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, въ 1147 году, преподобный Герасимъ поставилъ первоначально деревянный храмъ. Въ ней почиваютъ и мощи Преподобнаго. Вологодскіе жители питаютъ особенное усердіе къ этому храму, и ни одного важнаго семейнаго дѣла не начинаютъ безъ того, чтобъ предварительно не помолиться у гроба пр. Герасима. Мнѣ случилось быть въ этой церкви вечеромъ, когда уже кончилась служба. Нѣсколько женщинъ съ дѣтьми слушали молебень пр. Герасиму. Старичекъ священникъ, едва двигающійся отъ старости, но, какъ видно, всей душой преданный храму, при которомъ служитъ болѣе сорока лѣтъ, сейчасъ узналъ во мнѣ путешественника и, прервавъ мо-

лебенъ, успѣшилъ объяснить мнѣ, что это древнѣйшій храмъ въ Вологдѣ, что пр. Герасимъ пришелъ на это мѣсто, когда въ городѣ не было еще ни одной церкви, съ необыкновеннымъ простодушіемъ замѣтилъ мнѣ, какъ хорошо я сдѣлалъ, что пришелъ поклониться его гробу и, пригласивъ меня помолиться вмѣстѣ, преспокойно продолжалъ молебенъ съ того, на чемъ остановился. Потомъ онъ разсказалъ мнѣ жизнь пр. Герасима и показалъ все замѣчательное въ церкви. Она украшена богатымъ иконостасомъ и вообще внутреннее благолѣпіе ея свидѣлствуетъ объ особенномъ усердіи къ ней Вологодскихъ жителей. Недавно однимъ изъ Московскихъ купцовъ, уроженцемъ Вологды, устроена надъ гробомъ пр. Герасима богатая серебряная рака превосходной чеканной работы и чрезвычайно красивой формы. Здѣсь-то, гдѣ стоитъ Троицкая церковь, пр. Герасимъ нашелъ селеніе, разросшееся потомъ въ обширный городъ. Замѣчательно, что доселѣ сохранились даже названія нѣкоторыхъ мѣстъ, встрѣчаемыя въ житіи Герасима, — напр. одно мѣсто близъ церкви доселѣ называется *Львовой площадкой*, которая, во времени пр. Герасима, была торговою площадью.

Нѣтъ сомнѣнія, что ближайшія къ Троицкой церкви мѣста и были первоначально заселены при распространеніи города. Здѣсь дѣйствительно находится нѣсколько древнихъ храмовъ. Такъ не далеко отъ Троицкой церкви стоитъ женскій монастырь, довольно пустынный, но, какъ большая часть женскихъ монастырей, отличающійся опрятностію зданій. Еще ниже по теченію рѣки, миновавъ три или че-

тыре древнія церкви, вы подходите къ прекрасному двухъ-этажному храму величественной архитектуры, — это прежній Воскресенскій соборъ, бывшій кафедральнымъ до того времени, когда Грозный построилъ другой, болѣе обширный. Воскресенскій соборъ стоитъ на самомъ берегу рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ такой-же крутой поворотъ, какъ у Прилуцкаго монастыря, и принимаетъ направленіе прямо къ востоку. Съ высокаго, обрывистаго берега, на которомъ стоитъ эта прекрасная церковь, къ сѣверу, вверхъ по теченію рѣки, предъ вами совершенно неожиданно открываются стѣны и башни Прилуцкаго монастыря; прямо, за рѣкою, на обширной лукѣ, образуемой ея изгибомъ, вы видите цѣлую часть города съ пятью или болѣе древними церквами, а правѣе, къ востоку — внизъ по теченію рѣки — главныя части города, расположенныя по обоимъ берегамъ: на правомъ — соборъ съ архіерейскимъ домомъ, садъ, разныя казенныя зданія и многочисленныя церкви, на лѣвомъ — красивую набережную, обстроенную чистенькими домами и опять многочисленныя церкви съ ихъ высокими колокольнями. И все это тянется на весьма далекое пространство вдоль по теченію рѣки, которая наконецъ снова поворачиваетъ къ югу и скрывается изъ вида между строеніями.

Довольно большое, бѣдно-заселенное пространство отдѣляетъ старый Воскресенскій соборъ отъ Софійскаго. Этотъ послѣдній, какъ я говорилъ уже, построенъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Есть преданіе, что, когда соборъ былъ конченъ и царь вошелъ посмотрѣть его, ку-

сокъ штукатурки отдѣлился отъ потолка и упалъ ему на голову. Грозный разгнѣвался и отдалъ приказъ уничтожить церковь. Но просьбѣ духовенства онъ отмѣнилъ его, однако же соборъ долгое время оставался неосвященнымъ. Пятиглавый Софійскій соборъ походитъ на большую часть церквей, построенныхъ Грознымъ; онъ очень обширенъ, но сыръ и кажется нѣсколько пустыннымъ; вдоль стѣнъ стоятъ гробницы Вологодскихъ епископовъ. Соборъ этотъ построенъ также на высокой прибрежной горѣ (такъ называемой—Соборной), на которой разбитъ небольшой, но тѣнистый садъ. Съ противоположной стороны къ собору примыкаетъ архіерейскій домъ, прекрасной архитектуры. Онъ, съ принадлежащими къ нему церквами, зданіями и службами, окруженъ высокими каменными стѣнами,—это и есть городъ; или кремль. Стѣны неровной высоты, безъ просвѣтовъ и грубой постройки, имѣютъ садъ чрезвычайно мрачный, чему не мало способствуетъ ихъ темнокрасный цвѣтъ, почернѣвшій отъ времени. Недалеко отъ холоднаго собора находится теплый, новой постройки.

Я сказалъ уже, что эта половина города, гдѣ стоятъ соборы, составляетъ главную часть его. Она тянется не только вдоль всего праваго берега, но и занимаетъ большое пространство къ югу. Эту обширную половину города раздѣляетъ на двѣ части небольшая, лѣтомъ совсѣмъ пересыхающая рѣчка—Золотуха. Русло ея очень глубоко и изрытые берега образуютъ безобразный оврагъ, который чрезвычайно портитъ городъ. Здѣсь, въ этой половинѣ города, находится большая часть казенныхъ зданій, ряды, гостини-

ницы и лучшія улицы. Изъ многочисленныхъ храмовъ особеннаго вниманія заслуживаетъ такъ называемая Всеградская, или Обыденная церковь. *Всеградскою* называется она потому, что не имѣетъ отдѣльнаго прихода, а *весь городъ* составляетъ приходъ ея; *обыденною-же* потому, что была построена *обыденкой*, въ одни сутки, и вотъ по какому случаю. Въ 1655 г., при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, открылась въ Вологдѣ моровая язва. Полтора мѣсяца свирѣпствовала страшная зараза, отъ которой не было никакого спасенія; жертвою ея сдѣлалось такое множество жителей, что наконецъ не было возможности погребать умершихъ: они лежали по улицамъ, оставленные родными и близкими. Тогда, чтобы отвратить страшный гнѣвъ Божій, жители дали обѣтъ въ одни сутки построить храмъ Спасителю. Въ этомъ случаѣ они слѣдовали древнему благочестивому обычаю предковъ: извѣстно, что нѣсколько подобныхъ храмовъ было построено въ разныхъ мѣстахъ Россіи во время такъ называемой *Черной смерти*. 18-го октября, при захожденіи солнца, собрались Вологодскіе жители на назначенное мѣсто и приступили къ постройкѣ: одни носили бревна, другіе обдѣлывали, третьи складывали въ срубъ, словомъ—все принимали участіе въ благочестивомъ трудѣ,—а тѣ, кто не могъ трудиться, свѣтилъ работавшимъ въ темнотѣ ночи. Къ разсвѣту храмъ былъ уже поставленъ на мѣсто; изъ нѣкоторыхъ церквей были принесены готовые иконы, и къ полудню церковь была освящена архіепископомъ Маркелломъ, который совершилъ въ ней первую литургію—и съ того времени язва прекратилась. На

мѣстѣ первоначальной обыденной церкви благодарными жителями вскорѣ была построена каменная, впоследствии распространенная и великолѣпно украшенная усердіемъ Вологжанъ. Храмъ дѣйствительно великолѣпенъ, съ богатымъ иконостасомъ и иконами въ дорогихъ ризахъ; стѣны украшены живописью и изображенія по стѣнамъ выбраны очень удачно: на правой изображены два событія изъ жизни Давида—бывшая при немъ язва въ землѣ Израильской и прекращеніе язвы Ангеломъ, повелѣвшимъ Давиду построить жертвенникъ Господу, а на противоположной, въ соотвѣтствіе этимъ событіямъ, изображены—язва въ Вологдѣ и самое построеніе церкви ночью, при свѣтѣ факеловъ. Вологодскіе жители питаютъ великое усердіе къ своей Всеградской церкви; при каждой службѣ можно встрѣтить въ ней довольно богомольцевъ.

Неподалеку отъ этаго храма, занимающаго прекрасное мѣсто на площади, находится еще древняя церковь Успенія главы Іоанна Предтечи: она построена въ честь Ангела царя Іоанна Грознаго; а другая церковь—Св. Θεодора Стратилата построена Грознымъ во имя Ангела его сына Θεодора. Близъ этой церкви (она находится не далеко отъ вѣзда въ городъ съ Московской дороги) указываютъ старинный каменный домъ, въ которомъ будто-бы останавливался Грозный, пріѣзжая въ Вологду.

Въ той-же части города, на берегу рѣчки Золотухи, находится Святодуховъ монастырь преподобнаго Галактіона, гдѣ почиваютъ и его мощи. Галактіонъ происходилъ изъ рода князей Бѣльскихъ. Когда родители его подверглись

опалъ въ царствованіе Грознаго, онъ, будучи еще юношею, ушелъ изъ Москвы въ Вологду и поселился у одного сапожнаго мастера, который научилъ его своему ремеслу. Юный князь избралъ такой образъ жизни, желая воспитать въ себѣ христіанское смиреніе. Въ послѣдствіи онъ началъ вести самую суровую жизнь: выстроилъ себѣ маленькую келлію, приковалъ себя цѣпью къ стѣнѣ и все время проводилъ въ постѣ и молитвѣ. Еще при жизни прославился онъ даромъ прозорливости, а по кончинѣ (въ 1611 г.) многими чудесами. Епископъ Варлаамъ поставилъ церковь надъ его гробомъ; а потомъ устроился здѣсь и монастырь. Въ настоящее время находятся въ Свято-духовомъ монастырѣ остатки мощей пр. Іоасафа Каменскаго, перенесенные сюда изъ Спасокаменнаго монастыря на Кубенскомъ озерѣ, послѣ пожара въ 1772 г., истребившаго весь этотъ монастырь: тогда монастырь былъ упраздненъ, а штатъ его и самое имя переданы монастырю Свято-духову, который съ того времени и называется Свято-духовымъ Спасокаменнымъ. Въ монастырѣ есть нѣкоторыя замѣчательныя древнія вещи; но вообще онъ бѣденъ и два храма, въ немъ существующіе, не отличаются благолѣніемъ.

Другая половина города, расположенная на лѣвомъ берегу Вологды, также очень обширна и богата древними храмами. Чрезъ нее лежитъ дорога въ Архангельскъ и другіе города сѣверной Россіи. Обѣ половины города соединяются двумя постоянными мостами, съ подъемнымъ поломъ для прохода судовъ: одинъ—такъ называемый Соборный, противъ Софійскаго собора, другой—Красный, на полверсты ниже

перваго. Кромѣ того, для удобнѣйшаго сообщенія, посрединѣ между ними, прямо противъ Архангельской улицы устроенъ перевозъ.

Особенно замѣчательныхъ или великолѣпныхъ зданій вы не найдете въ Вологдѣ; но вообще можно назвать ее чистенькимъ городомъ. Самую замѣчательную особенность его составляетъ то, что за исключеніемъ церквей въ немъ чрезвычайно мало каменныхъ зданій, вѣроятно по дороговизны каменныхъ построекъ, но за то деревянные дома такъ велики и такъ хороши, что подобныхъ мнѣ не случилось видѣть нигдѣ; между ними не мало двухъэтажныхъ, и нѣкоторые не уступятъ любому каменному дому. Вообще дома въ Вологдѣ построены изъ прекраснаго лѣса, просторно и чисто. Замѣчательно также, что на всѣхъ улицахъ подѣланы широкіе деревянные тротуары. Видно, что дерева много и достается оно дешево. Это обиліе лѣса замѣтно при самомъ въѣздѣ въ Вологодскую губернію: въ деревняхъ невольно обращаютъ на себя вниманіе огромныя крестьянскія избы, на высокихъ подклетьяхъ, съ широкими мостами для въѣзда въ верхній этажъ, въ задней половинѣ котораго помѣщаются сѣноваль, амбары и т. п.

Лучшія улицы въ Вологдѣ: за рѣкою—Набережная и Архангельская, чрезвычайно длинная и прямая, а въ главной части города—такъ называемая Дворянская, неизбѣжная въ каждомъ губернскомъ городѣ. Дома на ней большею частию велики и красивы; но лучшее украшеніе ея составляютъ не дома, а бульваръ—прямой, ровный и широкій обсаженный березами, которыя составляютъ точно двѣ

сплошныя стѣны превосходной зелени; онъ тянется во всю длину улицы, болѣе версты, и потѣмъ подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ направо къ собору, гдѣ соединяется съ садомъ, расположеннымъ на соборной горѣ, который составляетъ также очень удобное мѣсто для прогулокъ. Но, къ удивленію, во все время пребыванія въ Вологдѣ, не смотря на хорошую погоду, мнѣ случалось весьма рѣдко встрѣчать гуляющихъ, особенно на бульварѣ, который однакоже могъ-бы составить украшеніе и столицы. Есть въ Вологдѣ и еще садъ—на площади, между Всеградскою церковью и лучшею въ городѣ гостинницей—Лондонъ; но этотъ садъ не можетъ составлять ни украшенія для города, ни мѣста прогулки для жителей: деревья въ немъ такъ тощи и покрыты такимъ густымъ слоемъ пыли, что не скоро рѣшишься поискать въ немъ тѣни. Надобно сказать, что деревья, за исключеніемъ березы, липы и нѣкоторыхъ другихъ, растутъ здѣсь очень туго, и что вообще растительность очень бѣдна; садовъ въ городѣ почти нѣтъ, плодовые деревья растутъ съ трудомъ и плоды не вызрѣваютъ; близость сѣвера очень ощутительна. Зато вы встрѣтите здѣсь произведенія сѣверной растительности, какихъ не найдете въ другомъ мѣстѣ; самыя лучшія изъ нихъ, морошка и поленика—вкусныя и ароматныя ягоды, изъ которыхъ готовится превосходное варенье. Впрочемъ въ окрестностяхъ города есть помѣстья съ прекрасными садами, лучшее украшеніе которыхъ составляютъ великолѣпныя липы.

Что-же сказать наконецъ о жителяхъ Вологды и ихъ

образъ жизни? По что-же можно сказать объ этомъ, проживши какихъ-нибудь двѣ недѣли въ городѣ? — Здѣшнее общество, разумѣется, какъ и вездѣ, раздѣляется на высшее и невысшее. Что касается перваго, то, какъ и во веѣхъ губернскихъ городахъ, оно старается подражать столичному, по крайней мѣрѣ по внѣшности. Въ Вологодскомъ обществѣ замѣтно болѣе вліяніе Петербурга, которое отчасти распространяютъ здѣсь лица, по разнымъ обстоятельствамъ переселившіяся изъ Петербурга въ Вологду. Къ лучшему-ли такое вліяніе, объ этомъ довольно писали въ губернскихъ и негубернскихъ газетахъ. Лѣтомъ этого высшаго общества совсѣмъ не видно; но зимой оно живетъ, какъ говорятъ, очень весело. Въ городѣ есть, разумѣется, клубъ, который даже лѣтомъ посѣщается очень усердно, — дворянское собраніе и театръ — очень жалкое строеніе. Къ чести Вологды должно сказать, что она имѣетъ, кромѣ губернской, частную типографію и очень порядочную книжную лавку: послѣдняя основана недавно, — въ память посѣщенія Вологды Государемъ Императоромъ въ 1858 г. Книжная лавка посѣщается болѣе людьми такъ называемаго средняго класса жителей. Простой народъ въ Вологдѣ и вообще въ Вологодской губерніи отличается какимъ-то особеннымъ радушіемъ, добротой и почтительностію, такъ что въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ жителей напр. Ярославской губерніи, гдѣ, какъ извѣстно, крестьянинъ такъ боекъ и смѣтливъ. Замѣчательную особенность Вологодскихъ жителей, особенно нисшаго класса, составляетъ также ихъ выговоръ, отличающійся какою-то странною пѣвучестью, ко-

торой они жертвуютъ нерѣдко правильнымъ произноше-
ніемъ словъ. Падобно послушать особенно какъ говорятъ
женщины и дѣти. Я часто прислушивался къ бесѣдѣ ка-
кихъ-нибудь кумушекъ и крику уличныхъ мальчиковъ. съ
перваго раза можно подумать, что они говорятъ на какомъ-
то особенномъ нарѣчіи.

Извѣстно, что въ обширныхъ предѣлахъ Вологодской гу-
берніи значительную часть народонаселенія составляютъ
Зыряне. Мнѣ очень хотѣлось получить понятіе объ этомъ
любопытномъ народѣ, — и удалось видѣть нѣсколько Зырян-
скихъ мальчиковъ въ семинаріи, гдѣ ихъ воспитывается
довольно много. Въ наружности этихъ мальчиковъ нѣтъ ни-
какихъ рѣзкихъ особенностей: они почти всѣ блондины, съ
довольно широкимъ лицомъ; выраженіе лица доброе и они,
какъ мнѣ сказывали, дѣйствительно кроткаго характера, но
не отличаются особенно бойкими способностями. Для нихъ,
а также и для нѣкоторыхъ Русскихъ воспитанниковъ, пре-
подается въ семинаріи Зырянскій языкъ, съ цѣлю приго-
товить для Зырянъ способныхъ священниковъ: ученики пи-
шутъ проповѣди на Зырянскомъ языкѣ и вообще пріучаютъ
ся свободно и понятно излагать на немъ христіанскія исти-
ны. Можно представить себѣ, какъ важно и благодѣтельно та-
кое дѣло. По благосклонности преподавателя я получилъ за-
писанный однимъ изъ учениковъ любопытный образчикъ на-
родной Зырянской поэзіи, о существованіи которой въ пер-
вый разъ возвѣстилъ Русскимъ читателямъ Н. И. Надеждинъ,
познакомившійся съ Зырянами и ихъ языкомъ въ Усть-
Сысольскѣ, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько времени. Это при-

читанье Зырянской дѣвушки-невѣсты, обращенное къ отцу.
Вотъ нѣсколько стиховъ по-зырянски, которые могутъ дать
понятіе объ этомъ языкѣ.

Кормилецѣй батюшкой!
Мыля—инѣ менѣ конерѣсь убелитынь?
Утка позтыреждѣ, сѣлѣмъ берчид чуктѣдны.
Светь—солнышко батюшкой
Озжанъ сѣськѣй батюшкой!

Когда читалъ эти стихи природный Зырянинъ, выходило
очень звучно. Представляю переводъ, сдѣланный самимъ
ученикомъ, записавшимъ на родинѣ это причитанье:

Кормилецъ ты мой, батюшко!
Для чего ты меня бѣдную не пожалѣлъ,
Изъ утиваго гнѣздышка выдѣлать и отъ сердца отдалить?
Свѣтъ—солнышко батюшко!
Свѣтлая свѣча батюшко!
Жалѣлъ вѣдь ты на меня
Полными очами посматривать!
Не умѣлъ вѣдь ты меня
Полуименемъ кликивать!
Кормилецъ ты мой, батюшко!
Умѣлъ вѣдь ты меня бѣдную
Хорошо укладывать,
Умѣлъ вѣдь ты меня бѣдную
Сытно накормливать!
Жалѣлъ вѣдь ты меня,
Предъ себя прикликивать,
Жалѣлъ вѣдь ты меня,
На трудныя работы снаряжать!
Всегда вѣдь ты бывало
Самъ впереди находишься,
Тяжкія работы исправляешь.

Науки.

Кормилецъ ты мой, батюшко!
Умѣлъ вѣдь ты меня
Въ цвѣтное платье наряжать!
Если кормилица матушка прикажетъ (?),
Хоть одно словечко скажетъ:
Вдвое ты бывало принесешь (?).
Цѣлою охабкой принесешь.
Спасибо, благодарствую,
За кормленье, за поенье твое,
За обутку, за одежду твою!

Въ этихъ грустныхъ словахъ дѣвушки, покидающей родную семью, мнѣ кажется отразилась самая жизнь Зырянскаго семейства, бѣдная радостями, богатая трудами и заботами, окруженная непривѣтливой природой. Бѣдная дѣвушка не нашла ни съ чѣмъ лучше сравнить покойную жизнь свою въ родительскомъ домѣ, какъ съ гнѣздышкомъ дикой утки. Покойный сонъ, пестрое платье, сытная пища, облегченіе отъ тяжелыхъ работъ — вотъ чѣмъ ограничивались ея дѣвичьи радости и въ чемъ видѣла она особенную любовь къ ней отца. Но въ то-же время не звучить-ли въ словахъ ея искренняя любовь къ родному очагу и глубокая скорбь разлуки съ нимъ?

II.

И А У Б И.

ИЗЪ ДОРОЖНЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

(Продолженіе.) *

Допатовъ монастырь. — Семигородная пустынь. — Заоникіева пустынь. — Монастырь Сямскій. — Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь.

Вечеромъ 18-го іюля выѣхали мы изъ Вологды по большой Архангельской дорогѣ. Во все стороны однообразно разстилается та-же голая равнина, которая окружаетъ Вологду: видъ довольно унылый; притомъ же была пасмурная погода и по временамъ накрапывалъ дождикъ. Въ тридцати верстахъ отъ города дорогу пересѣкаетъ большая и полноводная рѣка—Сухона. Широкая полоса рѣки, взволнованной недавнимъ дождемъ, темной массой выступала въ полу-

* См. Луч. 1859 г. № X стр. 226, 1860 г. № II стр. 106.

мракъ; на противоположномъ берегу возвышалась величественная бѣлая церковь, принадлежащая селенію Снасъ на Рабангъ: это бывшій монастырь преподобнаго Филиппа Рабангскаго, упраздненный при учрежденіи штатовъ вмѣстѣ съ многими другими древними обителями. На Сухонѣ устроенъ хорошій перевозъ и, не смотря на позднюю пору, мы переѣхали скоро и удобно. Въ семи верстахъ отъ Сухоны мы повернули вправо къ Лопотову монастырю, который на этотъ разъ служилъ ближайшею цѣлю нашего путешествія. Онъ находится въ полутора верстахъ отъ большой дороги; но не зная хорошо пути, мы добрались до него съ трудомъ. Было уже около 11 часовъ, когда мы постучали въ ворота скромной обители, за которыми радушіемъ настоятеля былъ приготовленъ для странниковъ покойный пріютъ.

Съ восходомъ солнца монастырскій колоколъ поднялъ насъ къ заутрени. Нѣсколько иноковъ стройно и чинно отправляли службу въ соборной церкви. Церковь не отличается ни особенной древностію, ни богатствомъ украшеній; но содержится въ замѣчательной чистотѣ. По срединѣ стоитъ подъ краснымъ балдахиномъ, недавно обновленная гробница пр. Григорія, жившаго въ первой половинѣ XV вѣк. Онъ происходилъ изъ рода Галицкихъ бояръ Лопотовыхъ (отъ чего получилъ названіе и его монастырь; иначе называется онъ Пельшемскимъ, по имени близъ протекающей рѣчки); по смерти родителей Григорій принялъ монашество и жилъ сначала въ одномъ монастырѣ близъ Галича, потомъ въ Ростовскомъ Богоявленскомъ; ~~откуда пошелъ~~

далѣе на сѣверъ и поселился у пр. Діонисія Глушицкаго въ его монастырѣ, бывшемъ разсадникомъ иночества для Вологодскихъ предѣловъ; наконецъ, по благословенію пр. Діонисія, рѣшилъ искать уединеннаго мѣста для пустынной жизни и нашелъ его на берегу небольшой рѣчки Пельшмы: здѣсь, впоследствии, когда собралось къ нему нѣсколько иноковъ, построилъ онъ церковь и основалъ монастырь. Пр. Григорій извѣстенъ, между прочимъ, какъ обличитель князя Дмитрія Шемяки, который въ 1430 г., преслѣдуя великаго князя Василія, подступилъ къ Вологдѣ и опустошалъ Вологодскіе предѣлы.

«Ужели забылъ ты слова писанія: судъ безъ милости не сотворшему милости»; сказалъ Григорій жестокому князю, «воплъ сиротъ и вдовицъ, обиженныхъ тобою, возносится къ Богу и Онъ отмститъ за нихъ: ты лишишься власти и престола.» Шемяка приказалъ сбросить Григорія съ высокаго моста за эти смѣлыя рѣчи; но смущенный его предсказаніями, ушелъ изъ Вологды въ Галичь и здѣсь, какъ извѣстно, потерпѣлъ поражение. Кромѣ соборной церкви, въ монастырѣ есть другая весьма древней постройки, съ низенькой ветхой колокольней, къ ней примыкаетъ старинная трапеза. Два небольшіе деревянные домика служатъ помѣщеніемъ для братіи. Впрочемъ, благодаря хозяйственной распорядительности настоятеля, строится обширный и удобный братскій корпусъ, и готова уже небольшая, но очень чистая гостинница для пріѣзжающихъ богомольцевъ. Всѣ эти зданія обнесены низенькой каменной огра-

дой, устроенной также въ недавнее время. Близь ограды, съ южной стороны, среди кустарниковъ и луговъ, течеть полноводная рѣчка Пельшма: Она очень оживляетъ окрестности монастыря, который своимъ скромнымъ видомъ и окружающей тишиной производитъ мирное, успокоивающее впечатлѣніе на посѣтителя.

Мы посѣщали изъ Лопотова, чтобы къ вечеру поспѣть въ другой монастырь—Семигородную пустынь, такъ какъ, по рассказамъ, насъ ожидалъ путь весьма трудный. Рассказы оказались совершенно справедливы. За двадцать верстъ отъ пустыни начинается глухой, непроходимый лѣсъ, но преимуществу хвойной; большая часть дороги состоитъ изъ гатей, т. е. устлана большими необдѣланными деревьями, по которымъ не было возможности ѣхать въ экипажѣ и нужно было итти пѣшкомъ; болотистая почва по краямъ дороги вся поросла мохомъ и выскокой травой, изъ которой выбѣгали по мѣстамъ тонкіе стебли поляники и кусты лѣсной малины; маленькія ящерицы поминутно выбѣгали изъ-подъ ногъ.... Наконецъ, послѣ долгаго и труднаго путешествія, открылась ярко освѣщенная заходящимъ солнцемъ богатая пустынь, съ ея высокой церковью, большими зданіями и обширной каменной оградой, со всѣхъ сторонъ окруженная лѣсомъ; ни въ одну сторону нѣтъ жилаго мѣста ближе 11 верстъ. Несмотря на то, сюда приходитъ много богомольцевъ изъ Вологды и другихъ мѣстъ для поклоненія чудотворной иконѣ Успенія Божіей Матери. Икона эта писана пр. Діонисіемъ

Глушицкимъ, который отличался искусствомъ иконописанія. По всей вѣроятности однимъ изъ учениковъ Преподобнаго она принесена была на мѣсто нынѣшней Семигородной пустыни, гдѣ во времена Діонисія была приходская церковь, такъ называвшейся Семигородной волости. Всѣ жители этой волости въ XV вѣкѣ были истреблены страшною чумою и церковь около полутора ста лѣтъ стояла въ запустѣнни. Въ концѣ XVI вѣка одной благочестивой монахинѣ Московскаго Новодѣвичьяго монастыря — Юліаніи, страдавшей разслабленіемъ членовъ, было откровеніе, что она получить исцѣленіе, если пойдетъ въ Семигородную пустынь и возобновитъ ее. Давши обѣтъ исполнить это повелѣніе, она скоро сдѣлалась здорова и дѣйствительно отправилась въ указанное мѣсто. Тамъ нашла она запустѣвшую церковь съ чудотворной иконой Успенія и основала женскій монастырь, который въ концѣ XVI вѣка обращенъ въ мужскій. Монастырь неоднократно подвергался пожарамъ и недавно, уже при нынѣшнемъ настоятелѣ, сгорѣлъ почти весь, но трудами настоятеля на пожертвованія усердныхъ къ святынь людей возобновленъ въ лучшемъ видѣ. Главный храмъ украшенъ благолѣпно, устроены каменные, обширные келліи для настоятеля и братіи и больничныи корпусъ съ просторною церковію; весь монастырь расширенъ и обнесенъ каменною оградой; за оградой сдѣланъ большой проточный прудъ, обильный рыбою, устроены гостинница для богомольцевъ, житницы, обширный скотный дворъ и проч. Вообще въ хозяйственномъ отношеніи пустынь устроена превосходно. Но древностей въ монастырѣ нѣтъ

и не могло сохраниться, за исключеніемъ чудотворной иконы, богато-украшенной.

Тѣмъ-же труднымъ путемъ возвратились мы снова въ Лопотовъ монастырь и, отдохнувъ здѣсь, отправились далѣе. Проѣхавъ уѣздный городокъ Кадниковъ, мы должны были опять свернуть съ Архангельской дороги, уже влѣво, чтобъ выбраться на дорогу Бѣлозерскую. Недоѣзжая нѣсколькихъ верстъ до этой послѣдней, мы остановились провести ночь въ Заоникіевой пустыни. Погода была пасмурная, — шелъ мелкій, почти осенній дождикъ, когда мы вѣехали въ скромную ограду этой пустыни. Мнѣ не случилось видѣть монастыря болѣе бѣднаго: одинокая низенькая церковь да три деревянныхъ домика для помѣщенія братіи — вотъ все, что вы видите въ монастырской оградѣ. Впрочемъ церковь внутри хорошо украшена; здѣсь находится гробница пр. Іосифа, основателя обители, и чудотворная икона Богоматери, такъ называемая Заоникіевская, во имя которой преподобный и построилъ церковь. Есть преданіе, что въ окрестныхъ лѣсахъ жилъ какой-то разбойникъ — Аника, почему волость, лежавшая за этими лѣсами, а потомъ и монастырь, устроенный здѣсь, назывались Заоникіевскими. Позднее время и непогода не позволили мнѣ, къ сожалѣнію, въ подробности осмотрѣть монастырь, а рано утромъ мы отправились въ дальнѣйшій путь.

Часть дороги была знакома мнѣ: пять лѣтъ тому назадъ мнѣ случилось ѣхать здѣсь на Кубенское озеро въ Спасо-каменный монастырь. Вотъ большое, богатое село Кубен-

ское, съ великолѣпною церковію, расположенное на юго-западной сторонѣ озера, которое разстилается за нимъ длинной, ровной скатертью. Мы пріѣхали въ село еще до обѣдни и нашли тамъ большое движеніе по случаю ярмарки и храмоваго праздника: это было въ самый Ильинъ день. Множество разряженнаго народа собралось изъ окрестныхъ селъ, которыхъ такъ много раскинуто по берегамъ озера; торговля всевозможными сельскими произведеніями была въ полномъ разгарѣ. Перемѣнивъ лошадей, мы поспѣшили далѣе. Дорога шла все въ виду Кубенскаго озера, то ближе къ нему, то дальше; вправо оно тянулось длинной желтой полосой, на которой можно было различать порой бѣлыя линіи волнъ, — бѣляковъ, какъ здѣсь называютъ ихъ; погода была вѣтряная, озеро сильно волновалось, — потому и не видно было ни одной рыбачьей лодки, которая въ тихое время снуютъ по озеру во всѣхъ направленіяхъ. По берегамъ его, въ туманной дали, бѣлѣли церкви окрестныхъ селъ; большею частію довольно богатыхъ; а на самомъ озерѣ, какъ бѣлая чайка, едва виднѣлась группа зданій Спасокаменнаго монастыря. Видъ этого бурливаго озера и этой бѣлой монастырской церкви напомнилъ мнѣ многое, — какъ ровно за пять лѣтъ, въ бурную ночь, едва не потонулъ я въ этомъ самомъ озерѣ, которое такъ-же бушевало, какъ и теперь; какъ нетерпѣливо стремился душой къ привѣтливому огоньку, свѣтившему въ монастырскихъ окнахъ, какъ наконецъ, подъ шумъ вѣтра и разбивавшихся волнъ, вышелъ на каменистый берегъ и потомъ, успокоенный подъ сѣнію мирной обители, много разъ выходилъ на бе-

регъ, чтобъ полюбоваться этими волнами, которыя съ такой силой неслись на встрѣчу, какъ-будто хотѣли уничтожить маленькій островокъ съ его бѣлой церковью. Мы проѣхали теперь лѣвымъ берегомъ озера во всю длину до Сямскаго монастыря, который стоитъ на сѣверозападной оконечности озера. Вотъ и самый этотъ монастырь, который прежде я видѣлъ только издали, съ высокаго балкона въ Спасокаменномъ. Монастырь хорошо устроенъ; высокая, изящной архитектуры церковь очень замѣчательна; она построена впрочемъ недавно, — въ 1770 г., послѣ пожара. Здѣсь находится чудотворная икона Рождества Богородицы, очень почитаемая въ окрестности. И въ то время, какъ мы были, ее носили въ какое-то селеніе для молебствія.

Недолго были мы въ Сямскомъ монастырѣ, поспѣвая въ Кирилловъ. Чуть свѣтало, когда мы подѣзжали къ этому послѣднему. Въ полусвѣтѣ можно было различать живописныя окрестности дороги и по временамъ обдѣвшія въ отдаленіи массивныя башни Кириллова. Около трехъ часовъ утра постучали мы въ монастырскія ворота, устроенныя въ высокой четверугольной башнѣ, по срединѣ сѣверной стѣны, далеко тянувшейся по прямой линіи въ ту и другую сторону и съ обѣихъ сторонъ законченной огромными круглыми башнями. За стѣной не видно было никакихъ зданій. Никогда не забуду я впечатлѣнія, какое произвелъ на меня видъ этой одинокой стѣны съ ея бойницами и башнями. Нужно было пріѣхать сюда именно изъ такихъ маленькихъ и тихихъ монастырей, какъ Сямскій, Дюпотовъ

и Заоникіева пустынь, чтобы вполне почувствовать все грозное величіе этой монастырской твердыни, съ которою может соперничать развѣ только Троицкая Лавра, — да и та уступаетъ ей въ обширности и вышинѣ стѣнъ. Особенно поразила меня своимъ грознымъ видомъ средняя, такъ называемая Казанская башня, въ которой устроены монастырскія ворота: надъ низкимъ подъѣздомъ возвышается массивное четверугольное зданіе въ 14 сажень вышины, безъ оконъ, только съ нѣсколькими бойницами и амбразурами, да съ иконой надъ воротами. Когда мы проѣхали подъ сводами этой башни, открылось новое неожиданное зрѣлище: вдали тянулась еще ограда изъ монастырскихъ зданій, съ святыми воротами по срединѣ, увѣнчанными церковію, и за нею главы многочисленныхъ монастырскихъ храмовъ. Это и есть собственно знаменитый Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. Обширное пространство между внутренней оградой и наружными высокими стѣнами, по обѣимъ сторонамъ дороги, огороженной каменными перилами, было засѣяно хлѣбомъ. Оставивъ экипажъ, мы прошли чрезъ святыя ворота въ монастырь. Здѣсь прежде всего представляется взорамъ цѣлая группа церквей, тѣсно сплоченныхъ между собою и со всѣхъ сторонъ окруженныхъ зданіями; на право, въ тѣни столѣтнихъ кедровъ, — величественныя кельи настоятеля, вполне достойныя столь знаменитой обители. Въ нихъ-то нашли мы пріютъ, утомленные ночью поѣздкой.

Послѣ краткаго отдыха, изъ оконъ настоятельскаго дома

еще разъ окинулъ я взоромъ широкое пространство монастыря, покрытое столькими священными памятниками. Прямо предъ окнами — невысокій соборный храмъ, къ которому въ видъ пристроекъ съ сѣверной и южной стороны примыкають двѣ другія церкви; правѣ, отдѣленная отъ главной группы храмовъ неширокимъ проходомъ трапезная церковь съ массивной колокольной; далѣе, на востокъ, за главными зданіями видно большое пространство, также застроенное церквами и кельями. Сколько историческихъ воспоминаній возбуждаетъ видъ этихъ священныхъ памятниковъ знаменитой древностію обители! Онъ переноситъ насъ къ послѣднимъ годамъ XIV столѣтія, когда пришелъ сюда шестидесятилѣтній старецъ — пр. Кириллъ и положилъ первое основаніе монастыря. Все время предшествовавшей жизни провелъ онъ въ Москвѣ, — здѣсь онъ родился и послѣ постриженія въ иноки болѣе 30 лѣтъ прожилъ въ Симоновѣ монастырѣ, только-что основанномъ въ то время племянникомъ пр. Сергія — Феодоромъ. Въ Симоновѣ пр. Кириллъ исполнялъ разныя монастырскія работы, особенно въ хлѣбнѣ и поварнѣ, гдѣ, стоя предъ огнемъ, онъ часто проливалъ слезы, представляя себѣ будущій огонь геенскій; нерѣдко также по приказу настоятеля занимался онъ списываніемъ книгъ, ибо и въ этомъ дѣлѣ былъ весьма искусенъ; а ночи, послѣ утомительныхъ трудовъ дня, проводилъ въ бодрствованіи и молитвѣ. Какой высокой духовной опытности достигъ онъ живя здѣсь, можно видѣть изъ того, что пр. Сергій, приходя по временамъ въ Симоновъ къ своему племяннику, прежде всего

отправлялся въ поварню къ пр Кириллу и подолгу вель съ нимъ назидательную бесѣду. За святость жизни и смиренно-мудріе Кирилль рукоположенъ былъ съвн священники и впоследствии избранъ въ настоятели Симонова монастыря. Но все это сдѣлалось противъ его желанія. Святая душа его желала уединенія: и горячо молился онъ объ исполненіи этого желанія. Въ одну ночь, когда онъ пѣлъ акаѳистъ предъ иконою Богоматери, вдругъ услышалъ онъ голосъ говорившій ему: «Кирилль, иди отсюда на Бѣлоозеро; тамъ туготовано тебѣ мѣсто спасенія.» Въ то же время онъ увидѣлъ въ окно келліи яркій свѣтъ въ сѣверной сторонѣ, по направленію къ Бѣлоозеру. Вскорѣ послѣ того случилось быть въ Симоновѣ Бѣлозерскому подвижнику — Терапонту. Кирилль много спрашивалъ его о странѣ Бѣлозерской, и вмѣстѣ съ нимъ отправился отыскивать указанное ему; въ свѣдѣніи мѣсто. Увидѣвъ возвышенное мѣсто на берегу Сѣверскаго озера, онъ съ восторгомъ воскликнулъ: «Се покой мой въ вѣкъ вѣка; здѣ вселюся!» Здѣсь онъ дѣйствительно поселился, первоначально въ ископанной собственными руками подземной келліи, и здѣсь прожилъ 30 лѣтъ до самой блаженной кончины своей. Онъ оставилъ послѣ себя уже значительное число братіи, воспитанной имъ во всей строгости иноческаго устава, и хорошо устроенный монастырь.

Пр. Кирилль, ещё при жизни прославившійся даромъ чудотвореній, пользовался отъ всѣхъ величайшимъ уваженіемъ. Современные ему князья, дѣти Дмитрія Донскаго — Василій, Юрій и Андрей почитали его какъ отца.

Луки. Т. XII

Послѣдній посѣщаль его неоднократно и, умирая, пр. Кирилль ему завѣщаль свою обитель, такъ какъ она находилась въ его наследственной области. Известны грамоты пр. Кирилла къ этимъ тремъ князьямъ, весьма замѣчательныя по своему содержанію и изложенію; съ простотою истиннаго инока онъ даетъ имъ наставленія касательно ихъ княжескихъ обязанностей. Вотъ небольшой отрывокъ изъ посланія его къ князю Можайскому Андрею: «Крестьяномъ (т. е. христіаномъ), господине, не лѣнись управы давати самъ: то, господине, выше тебѣ отъ Бога вминится и молитвы и поста. А отъ упиванья бѣ есте уймались, и милостинку бѣ есте по силѣ давали: понеже, господине, поститись не можете, а молитися лѣнитесь: ино въ то мѣсто, господине, вамъ милостыня вашъ недостатокъ восполнить.... Въ церкви, господине, стоя, бесѣды не твори и не глаголи, господине, никакого слова праздна, и аще кого видиши отъ вельможъ своихъ, или отъ простыхъ людей бесѣдующа въ церкви, и ты имъ, господине, взбраный: понеже, господине, то все прогнѣваетъ Бога.» И въ послѣдствіи князья и цари Русскіе питали великое уваженіе къ обители пр. Кирилла,—дѣлали богатые вклады въ монастырь, ходили сюда на богомолье и живали подолгу, такъ что составлень былъ особый чинъ принятія и угощенія царей. Особенно извѣстны своею приверженностію къ Кирилловой обители — великій князь Василій Ивановичъ и сынъ его Иванъ Васильевичъ Грозный. Василій приходилъ въ Кирилловъ съ супругою Еленою въ 1529 г. молиться о чадородіи. Грозный былъ нѣсколько разъ: первоначально онъ

приходилъ сюда въ 1545 г. и въ послѣдствіи въ знаменитомъ посланіи своемъ къ инокамъ Бѣлозерскимъ онъ воспоминалъ, какое строгое соблюденіе устава нашель въ монастырѣ во время этого посѣщенія «Когда мы въ первый разъ были въ Кирилловѣ, еще въ дѣтствѣ», писалъ онъ, «и опоздали ужинать, потому что у васъ въ лѣтнюю пору нельзя различать дня отъ ночи, и спросили для насъ стерлядей у подкеларя Исаи Нѣмаго, онъ отвѣчалъ: мнѣ о томъ приказу не было, а нынѣ ночь; взять нѣгдѣ. Государя боюсь, а Бога надобно еще больше бояться: Такова была у васъ тогда крѣпость!» Извѣстенъ также знаменитый походъ Грознаго въ Кирилловѣ, послѣ выздоровленія отъ болѣзни; во время этого похода у него умеръ сынъ, царевичъ Димитрій, и царь возвратился страшно измѣнившимся; тогда-то начались его страшныя казни. Еще разъ приходилъ онъ въ Кирилловѣ съ супругою Маріей и сыновьями Иваномъ и Феодоромъ въ 1569 г., въ самую ужасную пору своей жизни. Оба князя построили въ Кирилловѣ нѣсколько храмовъ въ память разныхъ семейныхъ событій, дѣлали богатые вклады и оба, какъ извѣстно, скончались постриженниками Кириллова монастыря. Грозный самъ рассказываетъ въ томъ-же посланіи къ инокамъ Бѣлозерскимъ, какъ, будучи въ Кирилловѣ, онъ далъ обѣтъ постричься въ монахи: «Вспомните, какъ нѣкогда, когда посѣтилъ я пречестную обитель вашу, случилось мнѣ воспринять нѣсколько отъ мрака и велѣлъ я бывшему тогда у васъ игумену Кириллу, съ нѣкоторыми изъ братій, притти тайно ко мнѣ въ келлію, гдѣ я уединился отъ мятежа мірскаго. Тогда съ игуменомъ были Іоасифъ, архиман-

дрить Каменскій, Сергій Колычевъ, ты Никодимъ, ты Антоній, а иныхъ не упомяну, и я грѣшный извѣстилъ вамъ желаніе свое о постриженіи и положилъ я обѣщаніе предъ вами: если благоволитъ Богъ въ благополучномъ здравіи мнѣ постричься, то нигдѣ иначе, какъ въ пречестной обители чудотворца Кирилла. Вы молились, а я окаянный приклонилъ скверную мою голову и припалъ къ честнымъ стопамъ преподобнаго игумена, и онъ возложилъ на меня руку, благословилъ постричься и кажется мнѣ, что я уже до половины чернецъ.» Какая поразительная картина! Грозный царь, предъ которымъ все трепетало, и самъ ненаходившій нигдѣ покоя смятенной душѣ своей, окруженный монахами, лежитъ у ногъ настоятеля и проситъ постриженія! — Послѣ Юянна особеннымъ расположеніемъ къ Кириллову монастырю извѣстенъ царь Михаилъ Феодоровичъ. Онъ приступилъ къ возобновленію наружныхъ монастырскихъ стѣнъ, желая сдѣлать изъ монастыря хорошую крѣпость на случай непріятельскихъ нашествій такъ какъ не задолго предъ тѣмъ, во время Литовскихъ набѣговъ, монастырь съ успѣхомъ выдерживалъ нѣсколько нападений. Тридцать-три года строились стѣны и уже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1666 г., получили окончательно тотъ грозный видъ, которымъ и до селѣ поражаютъ зрителя.

Кирилловъ монастырь извѣстенъ также какъ мѣсто заточенія многихъ именитыхъ узниковъ. Во времена Грознаго сюда сослано было нѣсколько опальныхъ бояръ и нѣкоторые сами удалились сюда, ища спасенія отъ его гнѣва подѣ

монашеской рясой. Отъ этихъ бояръ—постриженниковъ, по словамъ Грознаго, поколебалась строгость житія иноческаго въ Кирилловѣ, какъ и въ другихъ знаменитыхъ монастыряхъ. Въ посланіи Грозный жестоко нападаетъ за это на постригшихся къ Кирилловѣ—Шереметева, Хабарова и Собакина «Великіе свѣтильники—Сергій, Кирилль, Варлаамъ, Димитрій, Пафнутій положили крѣпкіе уставы, какъ спастись инокамъ; а бояре у васъ свои уставы ввели... Да, Шереметева уставъ хорошъ, держите его; а Кирилловъ нехорошъ, оставьте его. Одинъ бояринъ ввелъ одну слабость, а другой введетъ другую, да мало по малу пропадетъ весь порядокъ монастырскій и будутъ все обычай мірскіе.» При Годуновѣ въ Кирилловѣ былъ сосланъ князь Иванъ Шуйскій и здѣсь умеръ. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ здѣсь жилъ въ заточеніи патріархъ Сиконъ.

Когда отъ воспоминанія прошедшаго переходимъ къ настоящему, грустное чувство овладѣваетъ душою. На эти многочисленные храмы и зданія, которыми застроены обширныя пространства монастыря, время такъ замѣтно наложило свою тяжелую руку, и они стоятъ безмолвными свидѣтелями—увы!—давно минувшей славы Кириллова. Ни одного богомольца не встрѣтилъ я, когда вышелъ на дворъ монастырскій. Какое различіе въ сравненіи съ обителію великаго собесѣдника Кириллова—пр. Сергія? Тамъ, подумалъ я, въ это самое время весь монастырь наполненъ толпами богомольцевъ; тѣсный соборъ не можетъ вмѣстить желающихъ поклониться гробу угодника Божія. То-же печальное зрѣлище встрѣтило

меня и въ самомъ соборѣ Успенія: началась литургія, и кромѣ монаховъ едва можно было насчитать въ церкви двухъ-трехъ постороннихъ, и то жителей окружающаго монастыря городка. Соборъ своимъ устройствомъ и древнимъ иконостасомъ напоминаетъ лаврскій. Въ югозападной сторонѣ его, подъ стѣнною аркой, соединяющей церковь съ южнымъ придѣломъ во имя пр. Кирилла, стоитъ гробница этаго великаго подвижника: къ сей-то святынѣ и посѣщилъ я прежде всего. Здѣсь, у чудотворной раки преподобнаго, прослушалъ я всю литургію, стоя совершенно одинокій. Серебряная рака устроена при Михаилѣ Феодоровичѣ бояриномъ Шереметевымъ. А самая церковь во имя пр. Кирилла построена Грознымъ. Она не представляетъ теперь ничего замѣчательнаго. Главнѣйшія достопамятности находятся въ соборѣ и ризницѣ. Въ соборѣ стоитъ та икона Богоматери, предъ которою молился пр. Кириллъ, когда услышалъ голосъ, посылавшій его на Бѣлоозеро. Она богато украшена золотомъ и драгоценными камнями по усердію царей и бояръ. Здѣсь же — другая икона самого пр. Кирилла, написанная ученикомъ его, пр. Діонисіемъ Глушицкимъ, тѣмъ болѣе драгоценная, что иконнисець, безъ сомнѣнія, вѣрно передалъ черты своего великаго учителя. Къ сожалѣнію мы не могли въ подробности осмотрѣть монастырскую ризницу, такъ какъ послучаю перестройки помѣщенія вещи сложены были частію въ палаткѣ надъ соборомъ, частію въ другомъ зданіи. Главное, однако-же, удалось видѣть: это собственныя вещи пр. Кирилла. Вотъ его убогая священническая риза и деревянные сосуды, подобные Сергіевымъ, — двое тяжелыхъ ве-

ригъ съ крестами, шубка изъ черныхъ овчинъ, шерстяной колпакъ, кожаной поясъ съ деревянной пряжкой и карманнымъ ножикомъ, двѣ дорожныя чашечки въ кожаномъ футлярѣ и орѣховый посохъ—всѣ принадлежности его далекаго странствованія отъ Москвы до предѣловъ Бѣлозерскихъ. Въ ризницѣ же, съ келейными вещами преподобнаго, хранится его духовное завѣщаніе, какъ собственноручно писанное красивымъ и четкимъ почеркомъ, и до тридцати рукописей, писанныхъ частію имъ самимъ, частію его учениками. Нельзя безъ особеннаго благоговѣйнаго чувства разсматривать всѣ эти вещи, такъ наглядно свидѣтельствующія опростотѣ жизни и просвѣщенныхъ трудахъ древняго подвижника. Что касается драгоценностей, которыми славился Кирилловъ монастырь наряду съ Троицкимъ, богатыхъ царскихъ вкладовъ, то въ настоящее время ихъ хранится въ въ монастырѣ немного,—нѣсколько серебрянныхъ сосудовъ, нѣсколько ризъ съ жемчужными оплечьями, да нѣсколько покрововъ на раку преподобнаго, искусно вышитыхъ руками царицъ и царевенъ... Въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго столѣтій много древнихъ сокровищъ взято было изъ Кириллова въ другіе монастыри и на потребности государства.

Съ сѣверной стороны примыкаетъ къ собору, въ видѣ придѣла, церковь св. князя Владиміра, построенная княгиней Воротынской надъ гробомъ мужа. Во времена Грознаго она уже существовала и даже ранѣе церкви, воздвигнутой самимъ царемъ, во имя пр. Кирилла. Онъ писалъ въ своемъ

послани: «надъ Воротынскимъ церковь, а надъ Чудотворцемъ нѣтъ.» Церковь перестроена; въ стѣнахъ однакоже сохранились надгробные камни съ надписями: здѣсь цѣлый родъ Воротынскихъ и между ними извѣстный князь Михаилъ, котораго Грозный, по ложному извѣту, предалъ жестокимъ мученіямъ, собственноручно подгребая къ его тѣлу горячіе уголья.

Къ югу отъ собора, прямо противъ Кирилловскаго придѣла, высокое зданіе трапезной церкви, съ прилегающею къ ней трапезой и колокольной. Когда мы были, въ этой церкви происходили постройки. Ставши въ узкомъ проходѣ между соборомъ и трапезой, прямо на востокъ, вы видите полуразрушенную церковь Св. Евѣимія великаго, очень оригинальной постройки, и за нею ветхое, совершенно оставленное зданіе, мало похожее на жилой домъ. По всей вѣроятности эта церковь принадлежала патриарху Никону, а ветхое зданіе за нею служило мѣстомъ его заточенія, гдѣ онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни, исполненной такихъ превратностей. Памятникомъ его пребыванія въ Кирилловъ монастырѣ хранится еще его бѣлый клубукъ и деревянное, самой простой работы кресло, сдѣланное самимъ Патриархомъ «въ заточеніи въ Оеранонтовъ монастырѣ, въ тюрьмѣ», какъ гласитъ надпись подъ ручками кресла. Разсматривая это кресло, я припомнилъ, что г. Шевыревъ, въ своей книгѣ о Кирилловъ монастырѣ, называлъ его памятникомъ высокоумрія. За что же? Скорѣе оно служить памятникомъ трудолюбія патриарха Никона, его

простыхъ привычекъ и того лишенія, какое онъ терпѣлъ въ своемъ заточеніи, такъ что своими руками долженъ былъ сдѣлать себѣ сколько нибудь приличный стулъ.—За Евѣиміевской церковію стоитъ нѣсколько опустѣлыхъ каменныхъ зданій, безъ стеколъ и безъ рамъ. Но, очевидно, было время, когда всѣ эти зданія имѣли обитателей и были нужны. Еще далѣе, на востокъ, вы видите какъ бы отдѣльный монастырь, обнесенной низенькой оградой, и дѣйствительно имѣющій особое названіе: это Ивановскій монастырь. Мѣстность его состоитъ изъ нѣсколькихъ холмовъ. На одномъ изъ нихъ—церковь Успѣшнвенія главы Іоанна Крестителя, созданная великимъ княземъ Василиемъ Ивановичемъ, съ придѣломъ пр. Кирилла: она построена Василиемъ въ память рожденія сына и въ благодарность Преподобному, ко гробу котораго онъ приходилъ молиться о его рожденіи вмѣстѣ съ супругою. Вотъ почему, между прочимъ, Кирилловъ былъ такъ дорогъ Іоанну и почему здѣсь на каждомъ почти шагу мы встрѣчаемся съ его именемъ. Близъ Ивановской церкви находится другая, неизвѣстно кѣмъ построенная, во имя пр. Сергія Радонежскаго и Діонисія Глушицкаго, учителя и ученика пр. Кирилла. На другомъ холмѣ, подъ каменными навѣсами, благоговѣнно хранятся два замѣчательнѣйше памятника: деревянная часовня, устроенная на томъ мѣстѣ, гдѣ была первоначально подземная келлія пр. Кирилла, и другая маленькая деревянная часовня, построенная имъ самимъ и служившая нѣкоторое время вмѣсто церкви для собравшихся къ нему иноковъ. И такъ вотъ это мѣсто, куда первоначально при-

шелъ Кириллъ и котораго, по любви къ уединенію, безъ сомнѣнія, онъ не оставилъ и тогда, когда была уже устроена въ нѣкоторомъ отдаленіи церковь съ братскими келліями. Отдѣленное отъ величественныхъ зданій большаго монастыря, это мѣсто и доселѣ какъ будто сохраняетъ еще тотъ видъ, какой имѣло при жизни Кирилла. Пригорки поросли высокими деревьями, не подалеку течетъ между холмами маленькая рѣчка—Свѣрѣга и, выбѣгая изъ-подъ стѣнъ монастырскихъ, впадаетъ въ Сѣверское озеро, а съ высокаго холма, сквозь амбразуры стѣнъ, видна сверкающая поверхность и самаго озера.

Кромѣ названныхъ мною церквей въ Кирилловѣ монастырѣ есть еще нѣсколько храмовъ, построенныхъ царями. Близъ трапезной — небольшая церковь Архистратига Гавріила, построенная Василиемъ Ивановичемъ въ память дня своего рожденія, и при ней придѣлъ Св. Константина и Елены—въ память тезоименитства его супруги Елены Глинской. Эта церковь построена Василиемъ и освящена въ одно время съ Предтеченскою на Ивановскомъ монастырѣ, и служитъ также памятникомъ его путешествія въ Кирилловъ по объѣту. Близъ трапезной же церкви, только съ другой стороны, у самой южной стѣны, ветхая церковь Преображенія съ придѣломъ великомучиницы Ирины, ангела царицы Ирины, супруги Феодора Ивановича и сестры Годунова; кто нибудь изъ нихъ, по всей вѣроятности, и построилъ ее. Но больше всѣхъ монастырскихъ церквей, по изяществу архитектуры понравилась мнѣ церковь надъ Св. Вратами, во имя Іоанна Лѣтвичника и Феодора Стратилата, построенная Грознымъ

въ память дѣтей Ивана и Феодора. Съ примыкающими къ ней по ту и другую сторону длинными здаіями старинной постройки, съ маленькими окнами, она имѣетъ оригинальный и очень красивый видъ. Св. Врата съ двойнымъ ходомъ, какъ въ большей части древнихъ монастырей, величественны; внутри они расписаны изображеніями святыхъ; древняя живопись весьма замѣчательна и хорошо сохранилась. О времени расписанія я прочелъ слѣдующую любопытную надпись надъ самыми вратами: «Изволеніемъ Отца и вселѣщеніемъ Сына и совершеніемъ Святаго Духа, при державѣ государя царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Росіи самодержца, повелѣніемъ и благословеніемъ игумена Варлаама, и по приговору старцевъ соборныхъ Кириллова монастыря, сіи врата большіе и меньшіе подписалъ мастеръ старецъ Александръ, со своими ученики, со Омеліаномъ да съ Микитою, въ лѣто 7195 (1587), мѣсяца сентебріа.» И такъ живопись принадлежитъ собственнымъ монастырскимъ художникамъ, и тѣмъ болѣе драгоценна. Въ самой церкви надъ вратами теперь нѣтъ ничего замѣчательнаго. Одно изъ прилегающихъ къ ней зданій занято библіотекою и арсеналомъ. Помѣщеніе для библіотеки очень удобное. Въ обширной залѣ разставлены по шкафамъ въ большомъ порядкѣ рукописи этой знаменитой библіотеки. Самъ пр. Кириллъ своими трудами по книгописанію положилъ ея начало и съ теченіемъ времени она обогатилась болѣе и болѣе, такъ что считалась богатѣйшею изъ всѣхъ древнихъ библіотекъ. Во времена патріаршества и послѣ изъ нея взято было очень много рукописей въ разныя

мѣста и по разнымъ случаямъ. Но и теперь еще въ ней считается около 2000 рукописей, между которыми много драгоценныхъ и рѣдкихъ по содержанию, древности и изяществу письма. При насъ ее приготовляли къ отправленію въ Петербургъ; она поступила въ собственность духовной Академіи, съ доброю цѣлію открыть болѣе удобства для изученія ея сокровищъ. — Рядомъ съ бібліотекой, въ другой просторной комнатѣ, развѣшано и разложено по столамъ разное древнее оружіе—кольчуги, шлемы, бердыши, пицали и проч. Все это памятники того времени, когда монастырь подвергался нападению непріятелей и долженъ былъ отражать ихъ удары.

Вотъ сколько храмовъ, зданій и другихъ памятниковъ древности заключено въ стѣнахъ знаменитаго Кириллова монастыря! А самыя эти стѣны! Нельзя не сказать объ нихъ еще нѣсколько словъ. Своимъ устройствомъ онѣ очень походятъ на лаврскія, но, какъ я уже замѣтилъ, превосходятъ ихъ высотой и особенно протяженіемъ: вышину ихъ считаютъ въ 16 аршинъ, а длину въ 716 сажень. Можно судить по этому, какое пространство занимаетъ монастырь! Массивныя стѣны пересѣкаются по угламъ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ еще болѣе массивными башнями. Самая большая и самая красивая изъ нихъ—Московская башня, на сѣверо-западномъ углу: въ ней болѣе 25 сажень. Въ этой башнѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ устроены каменные мѣшки, подобные Прилуцкимъ. Надобно сказать впрочемъ, что стѣны такъ высоки только съ трехъ сторонъ, а съ южной гораздо ниже. Съ этой стороны стѣна

тянется по берегу Сѣверскаго озера, которое подходит почти къ самой стѣнѣ. Потому вѣрно и не почили нужнымъ укрѣплять эту сторону такой прочной стѣной, какъ остальные, что для нея самое озеро служить естественной защитой.

п. с.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

II.

П А У К И.

ИЗЪ ДОРОЖНЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

(Окончаніе.)

Бѣлозерскъ. — Кирилловъ Новоезерскій монастырь. — Пустынь Нила Сорскаго. — Горицкій монастырь.

Осмотрѣвъ, сколько позволило время, главнѣйшія достопамятности Кириллова, мы въ тотъ-же день около вечерни простились съ нимъ въ надеждѣ посѣтить его еще разъ на возвратномъ пути изъ другаго Кириллова монастыря, что на Новомъ озерѣ, куда теперь и поспѣшали. На половинѣ пути между обоими монастырями находится городъ Бѣлозерскъ, расположенный на берегу Бѣла-озера. Озеро мы увидѣли очень скоро: вдали оно бѣлѣло точно облако, длинной выгнутой линіей обнимавшее край небосклона. Я первоначально и принялъ его за такое облако. Но по мѣрѣ

приближенія къ Бѣлозерску исчезалъ этотъ оптический обманъ и широкая гладь воды обрисовывалась яснѣе и яснѣе. Версты за четыре до Бѣлозерска, только-что проѣхавъ деревню Росляково, на самомъ краю дороги нельзя не замѣтить высокаго и красиваго кургана, осыненнаго тремя большими елями: этотъ курганъ носить историческое имя Синеуса, одного изъ трехъ Варяжскихъ братьевъ, призванныхъ Славянами княжить на Руси, который, по словамъ лѣтописи, именно поселился на Бѣль-озерѣ. Мы взошли на курганъ, чтобы съ вершины его полюбоваться этимъ озеромъ, на берегъ котораго, можетъ быть, близъ того мѣста, гдѣ мы стояли, вышелъ тысячу лѣтъ назадъ знаменитый Варягъ, о которомъ напоминаетъ теперь только одинокій земляной холмъ, окрещенный его именемъ.

Въ Бѣлозерскъ мы пріѣхали еще засвѣтло. Я тотчасъ-же отправился посмотреть городъ. Это одинъ изъ древнѣйшихъ Русскихъ городовъ; его имя встрѣчается на первыхъ страницахъ лѣтописи. Впрочемъ древній, лѣтописный Бѣлозерскъ стоялъ на другомъ мѣстѣ; начало нынѣшняго относится уже къ концу XV вѣка: древность тоже порядочная. Какъ во всѣхъ древнихъ городахъ нашихъ, въ Бѣлозерскѣ много церквей и главная часть города, съ соборами и нѣсколькими казенными зданіями, опоясана высокимъ землянымъ валомъ. Главное украшеніе города, безъ сомнѣнія, составляетъ великолѣпное Бѣло-озеро. Во всемъ городѣ нѣтъ мѣста, откуда бы его не было видно: это зависитъ, между прочимъ, отъ того, что городъ расположенъ по уступамъ пологой горы, постепенно понижающейся къ озеру.

Такимъ образомъ Бѣлозерецъ отсюда можетъ любоваться своимъ маленькимъ моремъ. Но самый лучший, самый великолѣпный видъ на озеро—съ высокаго городского вала, который потому издревле составляетъ любимое мѣсто прогулокъ для Бѣлозерскихъ жителей, хотя въ городѣ, въ настоящее время, есть очень хорошій садъ, тоже на прекрасномъ мѣстѣ. Съ вала открывается все необозримое пространство озера. Никогда не видавши моря, я былъ пораженъ этимъ зрѣлищемъ необъятнаго пространства воды, сливающейся съ краями неба, ярко окрашеннаго вечерней зарей. Немногіе изъ нашихъ городовъ могутъ похвалиться такими видами. Пользуясь свѣтлыми лѣтними сумерками, я спустился по чистенькимъ улицамъ Бѣлозерска къ самому берегу озера. Онъ отдѣляется отъ города широкимъ каналомъ, который опоясываетъ весь юго-западный берегъ озера между Ковжей и Шексной и соединяетъ обѣ эти рѣки. Каналъ устроенъ въ 1846 году, для избѣжанія несчастій съ караванами хлѣба, нерѣдко случавшихся на озерѣ, очень бурливомъ. Вдоль канала, съ городской стороны, тянется рядъ красивыхъ каменныхъ домиковъ, въ которыхъ живутъ служащіе по вѣдомству путей сообщенія. На противоположную сторону черезъ каналъ перекинутъ красивый подъемный мостъ. Здѣсь-то, на-узкомъ пространствѣ между каналомъ и озеромъ, устроенъ новый городскій садъ: Онъ мнѣ очень понравился. Сердину сада занимаетъ небольшой обелискъ въ память прорытія канала; отъ него во всѣ стороны идутъ дорожки, правильно разбитыя и обсаженныя деревьями, которыя, правда, невелики и немного даютъ

тѣни. Садъ чисто содержитсяъ. Но все-таки и ему главную прелесть придаетъ близость озера: оно сверкаетъ сквозь листву деревь и вы постоянно слышите, какъ оно шумитъ и плещетъ волнами. Подъ этотъ однообразный шумъ воды такъ пріятно отдохнуть и помечтать. Или нужно только выйти на окраину сада, и вы уже на берегу озера, которое подливается къ самымъ вашимъ ногамъ и встаетъ предъ вами бѣлой, грозной, бушующей стѣной.

Изъ сада мнѣ нужно было пройти только нѣсколько сажень вверхъ по улицѣ до нашей квартиры — чистенькой гостинницы, принадлежащей Кириллову Новозерскому монастырю. Добрая и набожная старушка, завѣдывающая хозяйствомъ, не знала, какъ услужить намъ. Это радушіе служило какъ-бы залогомъ той любви, какую мы встрѣтили потомъ въ самой обители пр. Кирилла.

Рано по утру мы отправились далѣе. Отъ Бѣлозерска до Кириллова Новозерскаго монастыря считаютъ 37 верстъ. Звонили къ поздней обѣднѣ, когда мы подъѣзжали къ озеру, по срединѣ котораго прямо изъ воды поднимаются красивыя монастырскія стѣны и высокіе куполы церквей. Я былъ уже знакомъ съ монастыремъ Новозерскимъ по рассказамъ, описаніямъ и картинкамъ; но того впечатлѣнія, какое производитъ онъ на зрителя, не могутъ передать ни рассказы, ни картинки. Съ берега монастырь видно совер-

* Очень вѣрное изображеніе монастыря, съ фотографіи Г. Бонифантьева, помѣщено въ Художественномъ Листкѣ 1859 г. № 11. Тамъ же видъ Синеусова кургана.

шенно ясно и на волнующейся поверхности озера онъ казался рѣшительно плавающимъ. На берегу устроены каменные домы для прїѣзжающихъ, мельницы и другія хозяйственныя монастырскія зданія. Здѣсь нашли мы готовую большую лодку; одинъ изъ монаховъ сталъ у руля; было вѣтрено и порядочныя волны ходили по озеру, но управляемая твердой и привычной рукой лодка шла быстро и спокойно къ монастырскимъ стѣнамъ (съ сѣверной стороны). Вотъ эти стѣны растутъ больше и больше; — вы уже видите, какъ волны разбиваются объ ихъ гранитное основаніе, слышите, какъ онѣ плещутъ; вотъ наконецъ и монастырскія ворота, — и подъ ихъ массивной аркой та-же волнующаяся вода. Нужно было не мало искусства, чтобъ провести лодку сквозь узкія ворота, за которыми устроена, уже въ монастырской оградѣ, маленькая четвероугольная гавань, съ гранитными ступеньками. Этотъ водяной проѣздъ подъ массивными воротами и эта маленькая гавань на монастырскомъ дворѣ очень оригинальны.

Съ перваго-же взгляда монастырь производитъ самое отрадное впечатлѣніе на посѣтителя. Поднявшись по широкимъ ступенямъ гавани, вы выходите на большую площадку, составляющую какъ-бы внѣшній монастырскій дворъ. Прямо предъ вами — два каменные двухъэтажныя зданія, назначенныя для помѣщенія богомольцевъ; надъ однимъ изъ нихъ церковь во имя Апостоловъ Петра и Павла; между ними ходъ въ самый монастырь. Здѣсь прежде

* Изображеніе воротъ и гавани — въ томъ-же № Худож. Листка.
 Лучи. Т. XXII.

всего останавливаетъ вниманіе обширная, красивой архитектуры, соборная церковь, окруженная съ трехъ сторонъ, правильно расположенными, другими церквами и келліями. Мы прошли прямо къ собору, гдѣ еще продолжалась литургія. Внутреннее устройство церкви очень благолѣпно: стѣны искусно расписаны, иконостасъ прекрасной работы и весь вызолоченъ, иконы въ дорогихъ ризахъ. Къ собору примыкаютъ съ обѣихъ сторонъ два придѣла, соединенные съ нимъ, неподалеку отъ иконостаса, сквозными арками. Подъ аркой въ правой стѣнѣ открыто почиваютъ въ серебряной ракѣ мощи пр. Кирилла, основателя обители, и придѣльный храмъ съ этой стороны посвященъ его имени; съ другой стороны, подъ такой-же точно аркой, лежитъ надгробная плита изъ полированнаго камня, съ иконою, предъ которой горитъ неугасимая лампада: это могила бывшаго настоятеля обители, архимандрита Теофана.

По окончаніи службы добрый и обязательный о. архимандритъ самъ отслужилъ для насъ молебенъ при гробѣ пр. Кирилла. Вотъ нѣкоторыя черты изъ жизни Угодника Божія, обильной подвигами и чудесами. Будучи пятнадцати лѣтъ отъ рожденія, тайно ушелъ онъ изъ родительскаго дома въ монастырь къ пр. Корнилию Комельскому, гдѣ немедленно и былъ постриженъ въ монашество. Проживъ здѣсь шестнадцать лѣтъ, онъ испросилъ благословеніе у пр. Корнилія сходить на поклоненіе святымъ мѣстамъ Русскимъ и поискать себѣ уединеннаго мѣста для пустынной жизни. Около двадцати лѣтъ провелъ онъ въ странствованіяхъ, большею частію по пустымъ и безлюд-

нымъ мѣстамъ; только заходилъ по временамъ въ монастыри для поклоненія святынь и въ храмы Божии для молитвы. Въ одно время пришелъ онъ въ Тихвинъ-монастырь и целыхъ три дня и три ночи молился, стоя на церковной наперти: онъ молился о томъ, чтобы Пресвятая Дѣва указала ему мѣсто покоя послѣ столькихъ странствованій. И ему, подобно какъ другому Кириллу, было сказано, чтобъ шель въ Бѣлозерскіе предѣлы. Послушный этому велѣнію, онъ направился въ указанную сторону и, подойдя къ Новому озеру, съ одного возвышеннаго мѣста увидѣлъ среди озера маленькій островокъ, покрытый лѣсомъ, и надъ нимъ поднимающійся къ небу огненный столбъ. Изъ этого знаменія онъ понялъ, что здѣсь именно Пресвятая Дѣва назначила ему мѣсто для жительства. Подъ вѣтвями развѣсистой, столѣтней ели основалъ онъ себѣ первый пріютъ. Потомъ попросилъ жителей близьлежащаго селенія Шиднемъ, которымъ принадлежалъ островокъ, уступить ему это мѣсто для монастыря. Благочестивые люди охотно исполнили его просьбу, и тогда пр. Кириллъ поставилъ на островкѣ первую келлію и потомъ—церковь. Пр. Кириллъ скончался въ 1532 г. и погребенъ былъ близъ церкви Воскресенія Христа, съ правой стороны, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и теперь нетлѣнно почиваетъ. Вотъ одно изъ многихъ чудесъ его, записанныхъ въ житіи. Нѣкогда царю Ивану Васильевичу Грозному является во снѣ неизвѣстный ему иннокъ и приказываетъ, чтобы слѣдующее утро онъ не входилъ въ одну изъ жилыхъ палатъ, гдѣ имѣлъ обыкновеніе заниматься дѣлами. Удивленный царь спросилъ явившагося, кто

онъ и что значить это запрещеніе? Инокъ, назвалъ себя Кирилломъ съ Поваго озера и царь тотчасъ проснулся. Царь дѣйствительно не пошелъ въ палату, которая въ то-же утро обрушилась. Узнавъ отъ приближенныхъ, что дѣйствительно есть на Повомъ озерѣ монастырь, основанный инокомъ Кирилломъ, въ царствованіе его родителя, онъ наградилъ монастырь угодыми и селеніями и нерѣдко посылалъ богатые вклады. Мощи пр. Кирилла обрѣтены спустя 112 лѣтъ послѣ его кончины, при построеніи каменной церкви, на мѣстѣ прежней деревянной, по усердію боярина Морозова, который, находясь въ опалѣ, далъ обѣтъ построить эту церковь, если царь возвратитъ ему прежнее расположеніе, и вѣрно исполнилъ свой обѣтъ, когда снова былъ призванъ ко двору.

Помолившись съ нами у чудотворной раки пр. Кирилла, о. архимандритъ повелъ насъ поклониться гробу отца Теофана, память котораго свято сохраняется въ монастырѣ. Это былъ человекъ дѣйствительно замѣчательный по своей жизни, духовной опытности и прозорливости. Его заслуги для Новоезерскаго монастыря незабвенны. Первые уроки въ иночествѣ отецъ Теофанъ получилъ подъ руководствомъ извѣстнаго старца Паисія Величковскаго въ одномъ Молдавлахійскомъ монастырѣ. Впослѣдствіи, около десяти лѣтъ, онъ находился, въ качествѣ послушника, при митрополитѣ Санктпетербургскомъ Гавріилѣ, отличавшемся строгою жизнію и любовію къ иночеству. Митрополитъ Гавріиль весьма уважалъ о. Теофана и во многихъ важныхъ случаяхъ обращался къ нему за совѣтами. Въ Кирилловъ монастырь

онъ поступилъ настоятелемъ въ 1793 г., по просьбѣ Бѣлозерскихъ жителей, скорбѣвшихъ о запустѣніи, въ какомъ находился тогда монастырь Новозерскій. Тридцать-два года неутомимой дѣятельности посвятилъ онъ на внѣшнее и внутреннее устройство обители.—и все, чѣмъ вы теперь любуетесь здѣсь, ему обязано своимъ существованіемъ, или по крайней мѣрѣ обновленіемъ и устройствомъ. Онъ распространилъ соборный храмъ и вновь передѣлалъ придѣльныя церкви; при немъ устроены богатый иконостасъ и драгоценная серебряная рака для мощей. И всѣ вообще церкви и зданія монастырскія имъ передѣланы, или выстроены вновь, и служатъ свидѣтельствомъ не только его неутомимой дѣятельности, но вмѣстѣ и большаго знанія въ постройкахъ,—умѣнья приноровлять ихъ къ хозяйственнымъ потребностямъ, и наконецъ—изящнаго вкуса, которымъ отличается все имъ построенное. Самую замѣчательную изъ его построекъ, безъ сомнѣнія, составляетъ монастырская ограда съ шестью небольшими красивыми башнями. Ея построеніе представляло большія трудности: на глубинѣ не менѣе двухъ аршинъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе двухъ сажень, нужно было утвердить прочныя сваи; на сваи положены толстые брусья, а на нихъ уже каменная кладка, сначала изъ дикаго камня большой величины и тщательно обтесаннаго, а потомъ изъ кирпича. И такую работу нужно было совершить на протяженіи 270 сажень! Въ теченіе пяти лѣтъ (1809—1814) работы были кончены, и теперь нельзя налюбоваться этой изящной оградой, со всѣхъ сторонъ омываемой водою и въ тихую погоду отра-

жающейся на ея поверхности, какъ въ зеркалѣ. Впрочемъ, не одно желаніе дать монастырю такой изящный видъ руководило о. Теофаномъ при устройствѣ ограды: этого требовала самая нужда. Пространство острова такъ мало, что устройство стѣны по берегу озера слишкомъ стѣсняло монастырь, а для нѣкоторыхъ хозяйственныхъ построекъ совсѣмъ не было и мѣста. При устройствѣ же новой стѣны о. Теофанъ умѣлъ удовлетворить всѣмъ нуждамъ: на всемъ протяженіи ограды, внутри ея, устроены какія-либо помещенія, — лавки, для ежегодно бывающей здѣсь ярмарки, сараи, кладовыя, погреба, амбары и проч.; въ одномъ мѣстѣ, съ западной стороны, надъ стѣною устроены даже братскія келліи, въ окна которыхъ порой долетаютъ брызги отъ волнъ. Такъ какъ тѣсное пространство монастыря совсѣмъ не представляло мѣста, гдѣ монахи, лишенные возможности выйти за монастырскія стѣны, могли-бы прогуливаться въ свободное отъ службы время, то о. Теофанъ позаботился удовлетворить и этой нуждѣ: съ этою цѣлію онъ устроилъ, на протяженіи 140 сажень, широкій мостъ отъ монастырскихъ воротъ, въ восточной стѣнѣ, до близъ лежащаго островка, также со всѣхъ сторонъ окруженнаго водою. Эта постройка тоже въ своемъ родѣ очень замѣчательная. Но заботы о. Теофана не ограничивались этимъ вмѣшнымъ устройствомъ обители; не менѣе заботился онъ и о внутреннемъ устройствѣ ея, о водвореніи благочинія и доброй жизни между иноками. Онъ ввелъ здѣсь общежительный уставъ, учредилъ строгій порядокъ въ управленіи богослуженія и въ исполненіи всѣхъ, такъ называемыхъ,

послушаній. Самъ строгій блюститель иноческихъ правилъ, онъ бдительно слѣдилъ и за подчиненными. Подъ руководствомъ такого опытнаго наставника монашеская жизнь въ его обители дѣйствительно процвѣтала: къ нему собралось братіи болѣе 80 человекъ, тогда какъ при его поступленіи было не болѣе десяти. Много также богомольцевъ стало приходить въ монастырь на поклоненіе угоднику Божію и для совѣтовъ и наставленій о. Феодана. И теперь еще многіе, лично его знавшіе, рассказываютъ о его прозорливыхъ отвѣтахъ и разумныхъ бесѣдахъ. О. Феоданъ скончался въ 1829 году, искренно оплаканный своими почитателями. Но его вліяніе на монастырь, можно сказать, не прекратилось и доселѣ: всѣ введенные имъ порядки соблюдаются строго. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія нынѣшній о. архимандритъ: онъ проникнутъ глубочайшимъ уваженіемъ къ памяти о. Феодана, тщательно собираетъ всѣ рассказы о его жизни и наставленіяхъ и поставилъ себѣ задачей свято сохранить въ обители всѣ его уставы и порядки. Съ глубокимъ чувствомъ онъ отслужилъ для насъ панихиду надъ гробомъ благочестиваго мужа, которому да будетъ вѣчная память!

Исполнивъ первый долгъ каждаго богомольца, мы перешли изъ собора въ настоятельскія келліи. Онѣ занимаютъ средину верхняго этажа въ большемъ каменномъ домѣ, на западъ отъ собора. Эти просторныя келліи устроены также о. Феоданомъ (до него существовалъ только нижній этажъ), и нынѣшній о. архимандритъ старается сохранить ихъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ были при немъ. Намъ

добрый хозяинъ далъ особое помѣщеніе въ отдѣльномъ зданіи, прилежащемъ къ колокольнѣ, — нѣсколько небольшихъ комнатъ, весьма удобныхъ и чистыхъ, какъ и все, что мы видѣли въ монастырѣ; изъ оконъ — превосходный видъ на озеро.

Болѣе двухъ сутокъ пробыли мы въ Новоезерскомъ монастырѣ, и никогда не забудется это время, проведенное съ удовольствіемъ и пользою, — никогда не забудется и та любовь и привѣтливость, какія встрѣтили мы здѣсь, особенно у добраго и смиреннаго отца настоятеля. Да не оскорбится кроткая душа его этимъ невольнымъ выраженіемъ искренной благодарности. На одно только можно было посѣтовать, — на погоду, которая измѣнила намъ и помѣшала вполнѣ насладиться видами монастыря и всѣми удовольствіями на этихъ *водахъ упокоенія*.

Послѣ вкуснаго обѣда, приготовленнаго изъ прекрасной свѣжей рыбы, которою богато озеро, мы отправились осмотрѣть монастырь. Налѣво отъ настоятельскихъ келлій — высокая церковь, на западной сторонѣ которой примыкаетъ каменное двухэтажное зданіе, соединенное съ настоятельскими келліями посредствомъ корридора, почти подъ прямымъ угломъ. Церковь эта въ честь Смоленской иконы Божіей матери, съ придѣломъ Алексія Человѣка Божія, построена въ первой половинѣ XVII вѣка, но о. Теофаномъ обновлена и передѣлана. Примыкающее къ ней зданіе занято вверху ризницею, а внизу братскими келліями. Справа, также почти подъ прямымъ угломъ къ настоятельскимъ келліямъ, — красивая колокольня, построенная о. Теофаномъ,

съ примыкающими къ ней съ обѣихъ сторонъ каменными двухэтажными зданіями; подъ колокольней устроены ворота; въ западной половинѣ зданій, вверху, устроены келліи, въ которыхъ на этотъ разъ и намъ отведенъ былъ покойный пріютъ, а въ восточной помѣщается трапеза. Къ этой послѣдней примыкаетъ церковь прав. Захаріи и Елисаветы. Нижняя часть всѣхъ этихъ зданій занята хозяйственными помѣщеніями здѣсь устроены—кухня, хлѣбная, мерешная, т. е. мастерская, гдѣ готовятся рыболовные снаряды, или мережи. Прямо предъ настоятельскимъ домомъ, какъ я говорилъ уже, большая соборная церковь, занимающая какъ-бы центръ всѣхъ этихъ зданій. Небольшое пространство между ними разбито на дорожки, обсаженные кустистыми деревьями и цвѣтами. И все это такъ чисто содержится, такъ прочно и свѣжо! За соборомъ находится единственное небольшое пространство, незанятое никакими зданіями: здѣсь пролегаетъ дорожка къ воротамъ въ восточной стѣнѣ, за которыми непосредственно начинается тотъ замѣчательный мостъ, который устроенъ о. Теофаномъ, между прочимъ, для прогулки монахамъ. Здѣсь мы дѣйствительно нашли нѣсколько человекъ изъ братіи, отдохавшихъ въ ожиданіи вечерни. Мостъ, въ недавнее время обновленный, устроенъ прекрасно, и въ хорошую погоду здѣсь очень пріятно погулять и поудить рыбу. Я попросилъ себѣ удочку, чтобы испытать это удовольствіе и выудилъ славнаго окуня. Довольно сильный и холодный вѣтеръ мѣшалъ и прогулкѣ и уженью. Но разстаться съ озеромъ не хотѣлось: я перешелъ на другую сторону, болѣе

защищенную отъ вѣтра, чрезъ ворота, устроенныя подъ колокольней. Здѣсь, почти подъ самыми окнами нашей квартиры, находится другая маленькая гавань, гдѣ стоятъ рыбацкія лодки и откуда монастырскіе рыболовы отправляются на работу. Стройныя бѣлыя чайки съ крикомъ летали около гавани и на лету, быстро опускаясь къ водѣ, ловили маленькихъ рыбокъ. Еще любопытнѣе было слѣдить, какъ занимались этимъ промысломъ гагары, — очень красивая водяная птица: онѣ тихо и граціозно плавали по озеру, и потомъ, наклонивъ головку, мгновенно исчезали подъ водой; пройдетъ минута или болѣе, и вы найдете ее уже въ нѣсколькихъ сажняхъ отъ прежняго мѣста, — она плаваетъ такъ-же тихо и граціозно, какъ-будто и не бывала подъ водой.

Къ вечеру погода нѣсколько утихла; открылась возможность совершить поѣздку вокругъ монастыря и вдоль береговъ. Намъ подали большую, покойную лодку, прекрасно устроенную, съ навѣсомъ и лавочками. Прежде всего мы направились по западному берегу озера, къ той горѣ, съ которой пр. Кирилль въ первый разъ увидѣлъ мѣсто своей будущей обители и поднимающійся надъ ней огненный столбъ. Здѣсь устроена каменная церковь, въ честь Тихвинской иконы Божіей Матери. Потомъ мы объѣхали монастырь съ южной стороны, по направленію къ большому острову, на которомъ существуетъ доселѣ деревня Шиднемъ, жители которой во времена пр. Кирилла уступили ему островокъ подъ монастырь. Отсюда поплыли далѣе къ востоку, взглянуть на протяженіе озера во всю его длину. Оно велико, но имѣетъ неправильную форму и много зали-

вовъ. Поздно вечеромъ возвратились мы изъ этой пріятной прогулки.

Къ утру погода совсѣмъ испортилась; день былъ пасмурный и холодный. Мы посвятили его на подробный осмотръ монастыря. После поздней обѣдни присутствовали на монастырской трапезѣ, гдѣ строго соблюдается чинъ панагии, по завѣщанію о. Теофана. Потомъ осмотрѣли ризницу, для которой въ 1854 г. устроено весьма удобное помѣщеніе. Ризница богата и содержится въ большомъ порядкѣ. Изъ вещей прелюбопытнаго хранятся — деревянный потиръ, кожаные четки, посохъ и келейная псалтирь. Есть нѣсколько дорогихъ царскихъ вкладовъ: ризы и утварь пожертвованныя царемъ Грознымъ; золотой напрестольный крестъ съ жемчугомъ и богатое евангеліе — даръ благочестивой царевны Татіаны Михайловны; вся церковная утварь и полное облаченіе, пожалованные архимандриту Теофану императоромъ Павломъ, который лично зналъ его и уважалъ; также богатая митра и наперстный крестъ съ драгоценными камнями, пожалованный ему императоромъ Александромъ Павловичемъ. Въ ризницѣ помѣщается и монастырская бібліотека. Я посвятилъ нѣсколько времени на разборъ рукописей: ихъ довольно; но особенно, древнихъ не нашлось. Большею частію это сборники житій святыхъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ рукописное житіе пр. Кирилла, въ лицахъ: оно большаго формата, писано крупнымъ, весьма красивымъ уставомъ и украшено множествомъ рисунковъ, изображающихъ событія изъ жизни прелюбопытнаго.

На слѣдующій день, 24 числа, мы должны были отправиться въ обратный путь. Еще разъ помолившись у чудотворной раки пр. Кирилла и поклонившись гробу о. Θεοφана, въ три часа пополудни мы простились съ радушными жителями монастыря и вышли изъ гавани, напутствуемые ихъ благожеланіями. На берегу насъ ждали готовыя лошади. О. архимандритъ былъ такъ добръ, что вызвался сопутствовать намъ въ Нилову пустынь и Горицкій монастырь, которые мы должны были посѣтить на этомъ пути. Къ вечеру пріѣхали мы въ Бѣлозерскъ. Не заходя на подворье, я отправился прямо на городской валъ посмотрѣть захожденіе солнца на Бѣлозерѣ. Но вѣтеръ и тучи испортили впечатлѣніе. Говорятъ, въ ясную погоду при захожденіи солнца озеро представляетъ великолѣпнѣйшую картину. На другой день насъ разбудило превосходное утреннее солнце. Я поспѣшилъ въ садъ подышать немного утренней прохладой: изъ канала еще подымался легкій туманъ; но озеро подъ лучами солнца сверкало, какъ растопленное серебро. Вскорѣ потомъ мы послѣдній разъ полюбовались его необъятной равниной съ вершины Синусова кургана.

Переѣхавъ Шекснѹ, въ селеніи Вонегмѣ, мы повернули влѣво къ пустынь пр. Нила Сорскаго—перваго основателя скитской жизни у насъ въ Россіи, составившаго и замѣчательныя правила для скитниковъ. Онъ жилъ въ концѣ XV и началъ XVI в., долго странствовалъ по востоку, много времени провелъ на Аеонѣ, гдѣ тщательно изучилъ образъ скитской жизни. Возвратившись въ Россію, онъ поступилъ

на жительство въ Кирилловъ Бѣлозерской монастырь; но будучи недоволенъ тѣмъ, что настоятель не во всей строгости слѣдовалъ уставу пр. Кирилла, ушелъ изъ монастыря и построилъ себѣ келлію въ глухомъ, непроходимомъ тогда лѣсу, на берегу рѣчки Сорки. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ келліи онъ поставилъ потомъ и деревянную церковь. Когда приходили къ нему ученики, онъ не позволялъ имъ жить въ одномъ мѣстѣ и ставить келліи близь церкви, но требовалъ, чтобы каждый жилъ отдѣльно и въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга; въ церковь-же ученики должны были собираться только на богослуженіе и потомъ расходиться по келліямъ на безмолвіе и труды. Это и было началомъ скита и скитской жизни у насъ по примѣру Афонскихъ подвижниковъ. Окрестности скита доселѣ сохранили свой прежній пустынный видъ. Мы ѣхали трудной, едва проѣзжей дорогой черезъ дикій и глухой лѣсъ; между стволами сосенъ и елей показывалась порой заросшая травой рѣчка Сорка. Потомъ стали появляться поставленные по краямъ дороги большіе деревянные кресты, съ лавочками для пѣшеходовъ. Какъ отрадно отдохнуть подъ ихъ сѣнію утомленному путнику! Вотъ наконецъ, среди лѣса на полянѣ, и самая пустынь. Деревянная, полуразвалившаяся ограда, съ такими-же башенками, высокая покачнувшаяся деревянная церковь и другія постройки, въ связи съ оградой, — все это, какъ и глухіе лѣса, окружающіе скить, переносятъ васъ во времена пр. Нила. Но за деревянной оградой возвышается уже большая каменная церковь новой архитектуры. Въ южную сторону отъ монастыря, въ недалѣ-

немъ разстояніи, видно еще нѣсколько самыхъ простыхъ деревянныхъ зданій, окруженныхъ также низенкою оградой. Это то самое мѣсто, гдѣ стояла келлія пр. Нила и куда перенесена прежняя скитская церковь, когда вмѣсто нея начали строить каменную. На этомъ мѣстѣ подвиговъ пр. Нила, подѣ сѣнію его храма, и въ настоящее время подвизается одинокій отшельникъ.

Мы пошли сначала къ нему принять благословеніе и помолиться въ древнемъ храмѣ. За оградой, посреди двора, мы увидѣли маленькую деревянную церковь и по сторонамъ ея двѣ деревянные келліи, соединенныя съ нею узкими коридорами. Когда мы постучали у одной изъ нихъ, къ намъ вышелъ, одѣтый въ схиму, небольшого роста старичекъ и поклонился намъ до земли. Такое привѣтствіе, вся наружность старца, его тихая и разумная бесѣда—переносили къ давно минувшимъ временамъ отшельничества и довершали отрадное впечатлѣніе святаго мѣста, на которомъ мы стояли. Благочестивый хозяинъ показаль намъ свою тѣсную келлію, всю уставленную иконами, его собственной работы и чрезъ коридоръ провелъ насъ въ церковь—мѣсто его молитвенныхъ подвиговъ, гдѣ еамъ онъ отправляетъ церковныя службы. Близъ церкви онъ указаль намъ небольшой прудъ, ископанный, по преданію, руками самаго пр. Нила. Потомъ онъ повелъ насъ за ограду своей обители, показать только что поставленную маленькую келлію среди большаго лѣса: келлія такъ тѣсна, что три человека съ трудомъ могутъ помѣститься въ ней. Наконецъ онъ благословилъ насъ и отпустилъ съ миромъ. Встрѣча съ этимъ благо-

Честивымъ старцемъ принадлежить къ числу такихъ, которыя никогда не забываются.

Между тѣмъ въ пустыни насъ ожидали. Въ новой, обширной и свѣтлой церкви, близъ праваго клироса, стоитъ гробъ пр. Нила; отслуживъ молебенъ, мы осмотрѣли церковь. Она очень изящна; красивый иконостасъ сдѣланъ съ большимъ вкусомъ; всѣ иконы написаны искусной кистью; но особенное вниманіе обращаетъ на себя древняя икона пр. Нила—во весь ростъ и натуральную величину, вѣроятно стоявшая прежде надъ его гробомъ: строгое, изможденное трудами, лицо подвижника обрамлено небольшою темною бородой; изъ-подъ низко спущенной схимы смотрять большіе черные глаза, проникающіе насквозь: вообще выраженіе лица передано превосходно. Близъ церкви недавно выстроены каменный двухъ-этажный домъ, въ которомъ живетъ настоятель со всѣмъ братствомъ. Какой контрастъ съ этими двумя зданіями составляетъ ветхая деревянная ограда, съ ея полуразрушенными башенками и одинокой церковью! Изъ-за рѣчки, которая съ южной стороны монастыря весело течетъ по зеленой, цвѣтущей равнинѣ, я срисовалъ этотъ оригинальный видъ монастыря, который скоро, безъ сомнѣнія, долженъ измѣниться.

Послѣ обѣда мы отправились далѣе—въ Горицкій монастырь. И здѣсь дорога идетъ нѣсколько верстъ глухими мѣстами, но потомъ мѣстность совершенно измѣняется. Холмы, одинъ другаго выше, тянутся волнистой линіей по сторонамъ дороги, и между ними маленькія сверкающія озера, а надъ всей этой живописной мѣстностью господствуетъ

высокая, поросшая лѣсомъ гора—Маура. У подошвы этой горы, на берегу полноводной Шексны, расположенъ обширный Горицкій монастырь, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ монастырей женскихъ. Онъ построенъ въ половинѣ XVI ст. и былъ въ древности пріютомъ нѣсколькихъ царственныхъ инокинъ, постриженныхъ неволею. Впрочемъ монастырь знаменитъ не столько своими историческими воспоминаніями, сколько превосходнымъ внутреннимъ устройствомъ въ настоящее время, чѣмъ немало обязанъ о. Феофану, который былъ совѣтникомъ и руководителемъ въ духовной жизни поселившихся здѣсь инокинъ, почему память его въ Горицкомъ монастырѣ пользуется не меньшимъ уваженіемъ, какъ и въ Кирилловѣ Новоезерскомъ. Главною же виновницею нынѣшняго благоустройства обители была прежняя игуменія М—ія. Сорокъ—пять лѣтъ провела она въ этой должности, трудясь неутомимо, и наконецъ имѣла утѣшеніе передать ее одной изъ лучшихъ ученицъ своихъ, а сама, принявши схиму, здѣсь же на покой доживаетъ свои послѣдніе годы.

Мы пріѣхали передъ самой всеюнощной (это было поутру воскресенья). Въ большой монастырской гостинницѣ намъ дали очень удобное помѣщеніе. Въ семь часовъ зазвонили ко всеюнощной. Никогда не случалось мнѣ видѣть такого множества монахинь: вся довольно обширная церковь была занята ими. Богослуженіе отправлялось въ примѣрномъ порядкѣ, уставъ выполняется во всей подробности, со всеми положенными чтеніями, такъ что всеюнощная кончилась

только къ 11 часамъ. Пужно много усердія и привычки, чтобы выстаивать такія продолжительныя службы.

Утромъ на слѣдующій день мы пошли осматривать монастырь подъ руководствомъ обязательной матери-экономши. Прежде всего она провела насъ въ теплый соборъ, построенный игуменію М—ею. Церковь весьма замѣчательна по своей изящной архитектурѣ и особенно по расположенію: кругомъ всей церкви идутъ широкіе хоры, утвержденные на колоннахъ, которыя придаютъ ей много красоты; на хорахъ, съ той и другой стороны, устроены придѣлы. Здѣсь всѣ иконы—работы самихъ инокинь и написаны очень искусно. Широкіе хоры освѣщены большими окнами, изъ которыхъ открываются очаровательныя виды на Шексну съ ея живописными окрестностями. Такое устройство вполне согласно съ устройствомъ нашихъ древнѣйшихъ храмовъ, въ которыхъ, по примѣру первообраза всѣхъ храмовъ православныхъ—Константинопольскаго Софійскаго собора, обыкновенно устроились хоры для царственныхъ особъ и для помѣщенія женщинъ; съ другой стороны, оно вполне удовлетворяетъ требованіямъ удобства и простора въ церкви: съ хоръ видно и слышно, какъ происходитъ богослуженіе внизу. Отсюда перешли мы въ древній соборный храмъ, въ которомъ наканунѣ слушали всенощную. Только маленький придѣлъ во имя царевича Димитрія, построенный его матерію, инокиней Марею, сохранилъ свой древній видъ; все-же остальное носитъ слѣды обновленія. Къ собору примыкаетъ прекрасно устроенная ризница. Насъ поразилъ необыкновенный порядокъ, въ какомъ содержится здѣсь

каждая вещь. Все на своемъ мѣстѣ, все тщательно сложено, и нигдѣ ни пылинки. Церковныя облаченія отличаются не столько богатствомъ, сколько изяществомъ работы, и притомъ работы самихъ инокинъ. Изъ собора мы перешли въ трапезу. Здѣсь устроена маленькая церковь во имя пр. Кирилла Новоезерскаго. Самая трапеза очень обширна, на весьма большихъ столахъ, покрытыхъ бѣлыми, чистыми скатертями, было поставлено болѣе 250 приборовъ. И этого, какъ намъ сказали, еще недостаточно, приходится накрывать на столъ по два раза. Изъ трапезы устроенъ ходъ въ поваренную, хлѣбную, квасную: всѣ эти заведенія устроены въ огромныхъ размѣрахъ и отличаются необыкновенной опрятностью. Отсюда перешли въ больничную церковь, гдѣ шла въ это время ранняя обѣдня: по обѣимъ сторонамъ церкви расположены комнаты съ кроватями для больныхъ старицъ. Наконецъ намъ показали и нѣкоторыя собственно хозяйственныя заведенія: красильную устроенную нынѣшней игуменіей, гдѣ сами монахини занимаются окраскою въ черный цвѣтъ холстовъ и коленкоровъ, необходимыхъ для монастыря, обширную прачечную и проч. Звонили уже къ поздней обѣднѣ, когда мы кончили весь этотъ осмотръ, впрочемъ довольно бѣглый, но который все-таки могъ дать понятіе о томъ внутреннемъ устройствѣ и порядкѣ, которыми справедливо славится монастырь Горичкій.

Послѣ обѣдни мы посѣтили настоятельницу обители, игуменію А—ю, изъ фамиліи К—выхъ, о которой вспоминаю здѣсь съ особеннымъ уваженіемъ: мы нашли ее окруженную нѣсколькими сестрами-инокинями и родными изъ

Петербурга, и все это общество было такъ просто, такъ радушно, такъ заботилось обласкать и успокоить странниковъ. Мать-игуменія предложила намъ посѣтить прежнюю настоятельницу, у которой выпросила на то позволеніе. Въ чисто убранной небольшой комнаткѣ приняла насъ эта восмидесятилѣтняя старица, сдѣлавшая такъ много для обители. Нѣсколько минутъ, проведенныхъ въ бесѣдѣ съ нею, принадлежатъ къ лучшимъ воспоминаніямъ нашего путешествія. Когда игуменія А—ія замѣтила среди разговора, что монастырь своимъ нынѣшнимъ устройствомъ обязанъ исполнѣ ея заботливости, съ какимъ смиреніемъ она отвѣтила: «Все въ обители устроено Богомъ, мнѣ принадлежатъ однѣ ошибки!» А когда она-же напомнила ей, что въ этотъ самый день, 26 іюля, сорокъ—три года тому назадъ, приняла изъ рукъ ея иноческую одежду, благочестивая старица видимо оживилась воспоминаніями прошедшаго. Она рассказала намъ, какъ слишкомъ сорокъ лѣтъ назадъ пришли къ ней въ монастырь три сестры, молодыя дѣвицы, знатнаго рода, прекрасно образованныя; какъ онѣ раздѣляли со всѣми трудныя монастырскія работы, какъ подъ ея руководствомъ постепенно привыкали къ монастырской жизни. Одна изъ трехъ сестеръ была нынѣшняя игуменія. Зашла рѣчь и объ о. Теофанѣ, который былъ ея наставникомъ и руководителемъ въ устройствѣ обители. Она рассказала нѣсколько случаевъ его прозорливости. Но бесѣда начинала утомлять старицу и мы поспѣшили дать ей покой. Между тѣмъ въ комнатахъ настоятельницы насъ ожидалъ вкусный обѣдъ, оживленный искреннимъ радушіемъ всего общества,

собравшагося за гостеприимнымъ столомъ. После обѣда мы простились съ этимъ обществомъ, столь внимательнымъ къ пришельцамъ, отъ всей души пожелавъ процвѣтать прекрасной обители съ ея добрыми жительницами.

Изъ монастыря мы вышли пѣшкомъ, чтобы взойти на высокую Мауру, вокругъ которой проходитъ дорога изъ Горицъ въ Кирилловъ. По мѣрѣ того, какъ мы поднимались, кругозоръ становился шире и шире, и открывались новые виды, одинъ другаго живописнѣе: при ясной погодѣ ярко обрисовывались окрестныя горы, а внизу, какъ на блюдечкѣ, весь монастырь, за которымъ широкой лентой тянулась въ живописныхъ берегахъ своихъ Шексна. На самой вершинѣ Мауры большой камень, съ котораго открываются новые виды еще великолѣпнѣе,—еще болѣе горъ, съ сверкающими озерами, а на дальнемъ планѣ широкое Сиверское озеро, изъ-за котораго встаютъ колоссальныя башни и церкви Кириллова монастыря. Здѣсь, у этого камня, среди этихъ великолѣпныхъ видовъ, простились мы съ нашимъ добрымъ спутникомъ, такъ ласково принявшимъ насъ въ своей Новоезерской обители и такъ далеко проводившимъ; отсюда послали послѣдній привѣтъ и обители Горицкой, которой уже не видно было за лѣсомъ, покрывающимъ сѣверовосточную сторону горы.

Въ три часа утра на слѣдующій день отравились мы изъ Кириллова Бѣлоезерскаго монастыря въ обратный путь. Начинало свѣтать, и живописныя виды провожали насъ далеко. Что за чудныя окрестности!—горы, озера, лѣса. Восходящее солнце то скрывалось за ближайшей горой, то

снова поднималось и обливало окрестность багровымъ цвѣтомъ. Проѣхавъ верстъ десять, я обернулся къ Кириллову: его массивныя стѣны и башни, ярко озаренныя восходящимъ солнцемъ, бѣлѣли на темномъ фонѣ Мауры... Еще нѣтъ шести верстъ—и горъ меньше, мѣстность ровнѣе и не такъ оживлена; а вотъ и Кубенское озеро снова потянулось желтой Чюлосой, только теперь уже съ лѣвой стороны. Вечеромъ наконецъ увидѣли мы давно знакомыя Прилуцкія башни. На другой день, также около вечера, простились мы и съ гостепріимной Вологдой.